

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

**КРАВЕДЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ**

ВЫПУСК 1

НОВОЧЕРКАССК 1994

Музей истории донского казачества

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Вып. 1

Новочеркасск 1994

**Редакционная коллегия: Г. А. Ерашова,
Г. А. Довгалева, С. А. Сединко**

Отв. редактор канд. ист. наук Б. А. Раев

И. Н. ПАРУСИМОВ

МОДЕЛЬ ЛУКА ИЗ ЖИТКОВСКОГО КУРГАНА

Орудия труда или вооружения играли важную роль в жизни древних людей. Издревле изготавливались их миниатюрные копии, которые наделялись магическими способностями оберегать человека от врагов и злых духов¹. Для скифского времени одним из таких предметов являлся лук. Модели лука находят случайно или в погребальных комплексах. Изготовлены они из бронзы. На Нижнем Дону найдено две модели лука — из золота и железа². Вторая модель обнаружена при исследовании Житковского кургана³. Скифский лук представлен в ненапрянутом положении (рис. 1). Модель, по-видимому, использовалась в качестве булавки. Аналогии нашей находке в археологическом материале неизвестны. Если обратиться к этнографии, то железные модели лука изготавливали алтайцы и гиляки⁴.

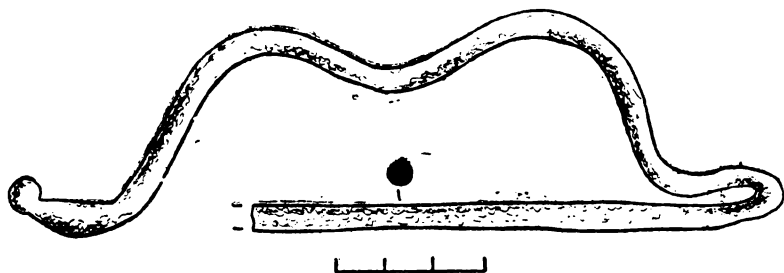

Рис. 1

Модели лука (иногда это лук в горите) относятся к редким находкам, и встречены в различных половозрастных захоронениях сер. V в. до н. э. — IX в. н. э. Им посвящены специальные работы⁵. Авторы этих работ приводят этногра-

фические свидетельства, которые объясняют необходимость изготовления моделей лука. Так, у народов Сибири многочисленны случаи, когда орудиями культовых действий, амулетами и оберегами были лук и стрела. Лук как оружие или как деталь костюма в виде подвесок входил в атрибут алтайских, бурятских и хакасских шаманов. У хакасов лук изображался на деревянных предметах или модель его помещалась в колыбели новорожденных мальчиков, выполняя апотропеические функции. Алтайцы и гиляки подвешивали модели над колыбелью мальчиков, а у бурятков колыбели украшали изображениями лука. У тюркоязычных народов Сибири существует поверье, согласно которому хранителем здоровья и жизни детей выступал женокий дух Юмай. Стрельбой из лука Юмай защищал ребенка от злых духов. У кавказских народов по распространенному поверью любое оружие является оберегом от злых духов.

Захоронение в Житковском кургане относится к группе ранних диагональных погребений, которое по аналогии погребальному обряду, в том числе и более раннему в памятниках Восточного Прииралья, мною отнесено к скифским⁶. Скифскую принадлежность не отвергает и погребальный инвентарь захоронений. А лук у скифов был символом силы и власти⁷ «В скифской космологической схеме, соотнесенной сословно-кастовой стратификацией, верху (солнцу, небу) соответствуют сословия воинов, а лук по одному из вариантов скифского мира, является атрибутом именно этого сословия. Поэтому лук — опять-таки знак верхней зоны мироздания»⁸. Помещение модели лука в могилу, возможно, должно было способствовать переходу погребенного знатного воина в обитель богов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. —Изв. АН СССР (отдел обществ. наук), № 6, 1931, с. 713.
2. Золотая модель из мог. Высочино V, раскопки Е. И. Беспалого в 1985 г. Относится к среднесарматскому комплексу, материалы которого подготовлены автором раскопок к печати.
3. Е. И. Беспалый, И. Н. Парусимов. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1986 г Ч. II, Архив АКМ, КВФ 10647/2, с. 254.
4. С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв. —М., —Л., с. 732.
5. М. А. Дэвлет. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакаснии. —КСИА, 1966, вып. 107: Ю. И. Козуб. Модель лука из Ольвии. — Скифские Древности, Киев, 1973; Е. С. Оанча. Бронзовая модель лука

из Подунавья. — Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова. Запорожье, 1989, 1.

6. И. Н. Парусимов. Ранняя группа диагональных погребений на Нижнем Дону. — Тезисы докладов областных краеведческих чтений. Ростов-на-Дону, 1991, с. 6.

7. Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977, с. 74 сл.

8. Д. С. Раевский. Из области скифской космологии. — ВДИ, 1978, № 3, с. 122.

С. В. РЯЗАНОВ

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СЛАВЯНСКОГО (КУРИЧАНСКОГО) ПОСЕЛЕНИЯ БЛИЗ ТАГАНРОГА

Поселение находится на берегу Таганрогского залива в с. Приморка Неклиновского р-на. Все керамические изделия, найденные при его раскопках в 1986—1989 гг., на основании различий в глине, форме и качестве выделки делятся на местные и привозные¹.

Керамика местного изготовления включает несколько групп, выделенных по форме и назначению сосудов. Группа А — горшки (230 ед.); В — крышки на горшки (6 ед., из них 2 белоглиняных); С — кувшины (27 ед.); Д — амфорки «киевского типа» (3 ед., из них 1 белоглиняная); Е — сосуды открытой формы: светильники, возможно миски и чашечки (17 ед., из них 1 белоглиняная чашка).

Керамика всех групп, кроме С, делится по формовочной массе на две части: керамика белоглиняная (рис. 1—3) и керамика из обычных ожелезненных глин (рис. 4—6). Белоглиняная имеет характерный цвет, структуру излома черепка и внешний вид поверхности. Цвет обычно чисто-белый (иногда с розоватым изломом) или серый, почти до черного, зависящий от степени науглероживания черепка при обжиге. Обычные примеси: крупный песок; песок в сочетании с дресвой (из св.-серого или белого сланца). Довольно много фрагментов примесей не имеют или содержат небольшое количество мелкого песка; глина этих изделий обычно желтоватого цвета. Излом их черепка гладкий, в отличие от фрагментов с обильной примесью песка или дресвы, излом кото-

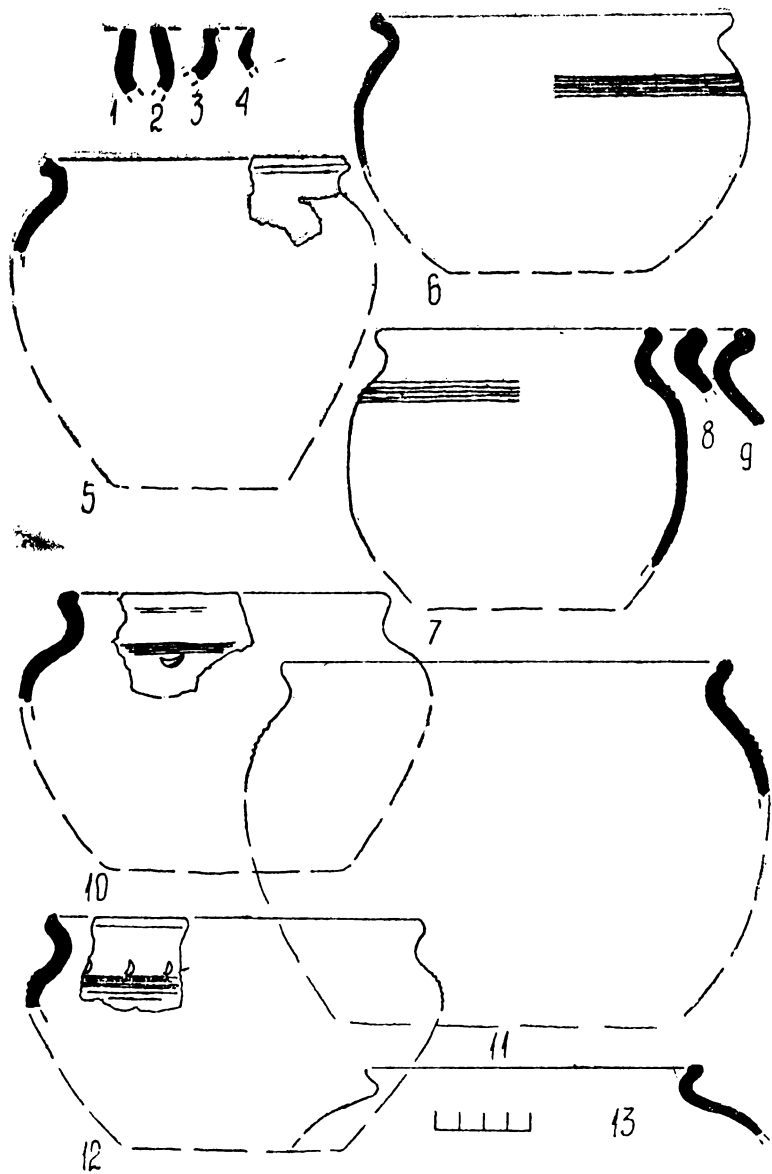

Рис. 1

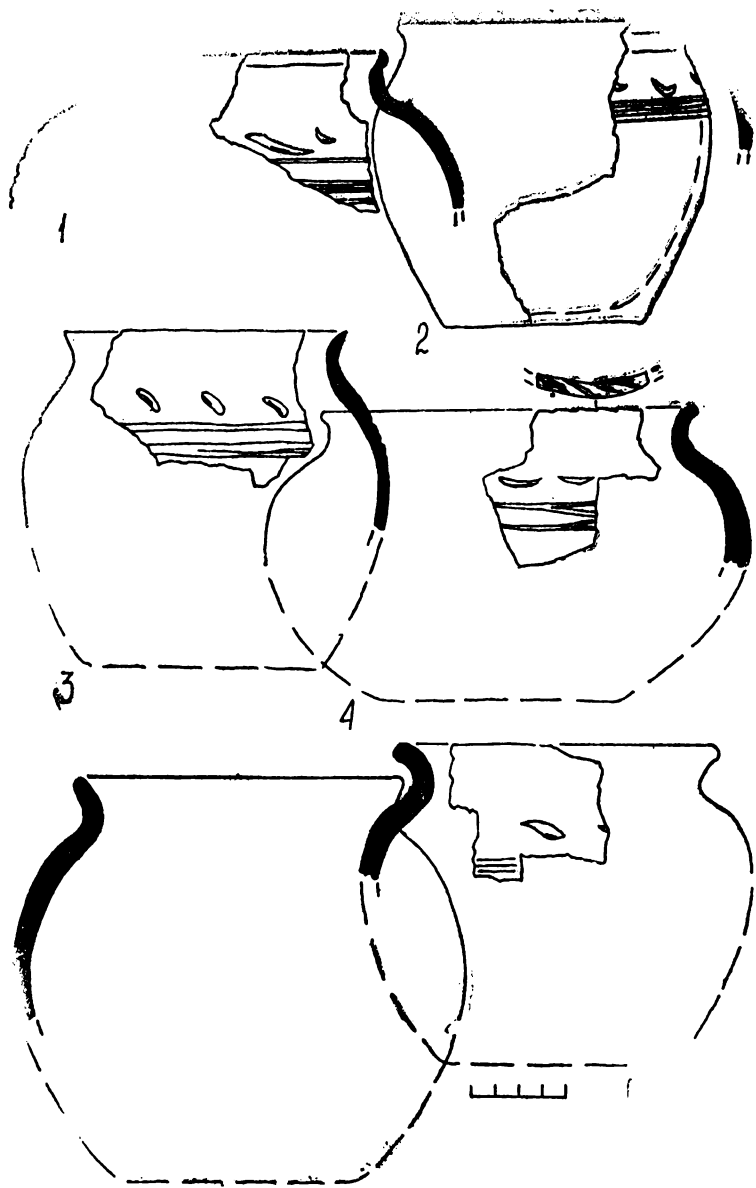

Рис. 2

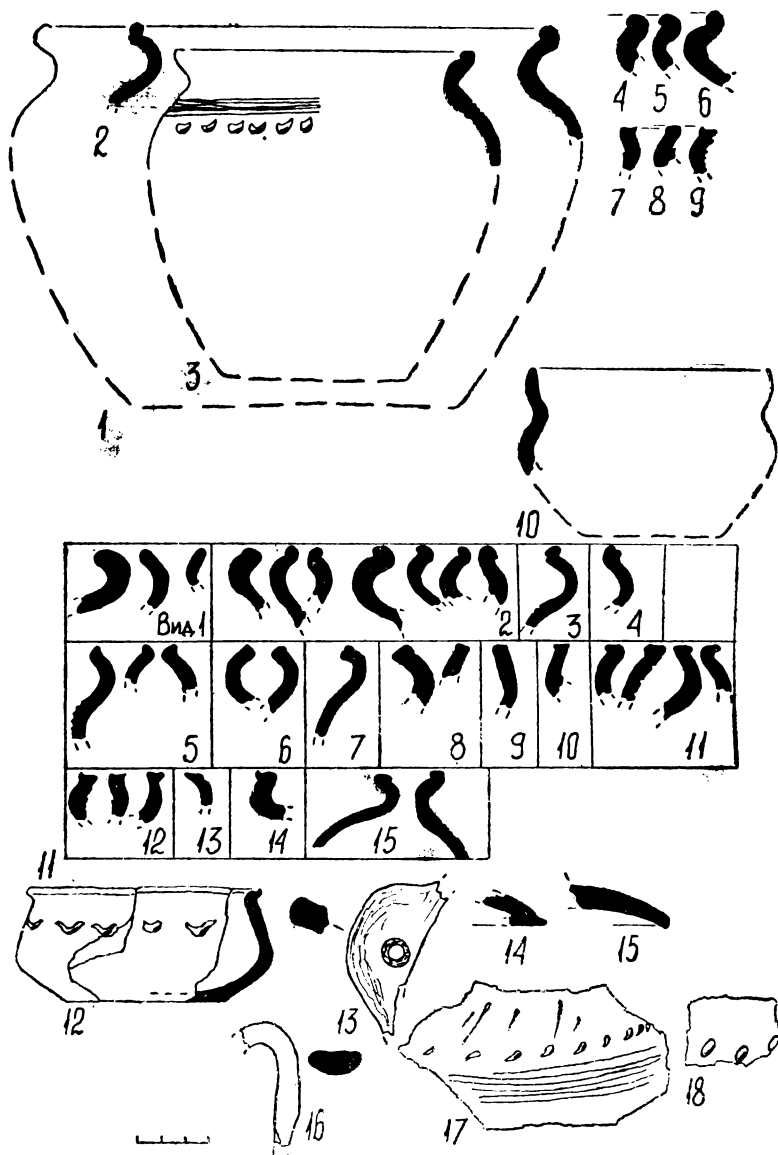

Рис. 3

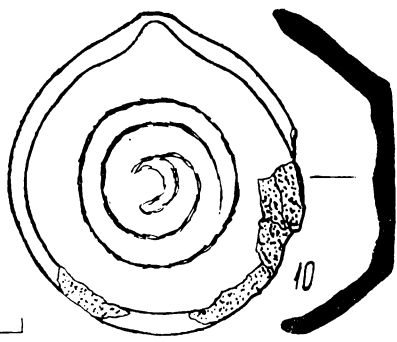
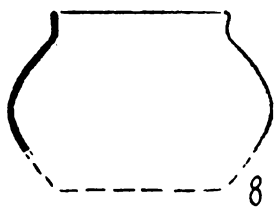
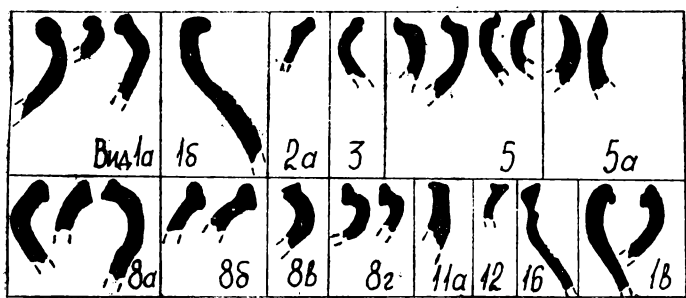
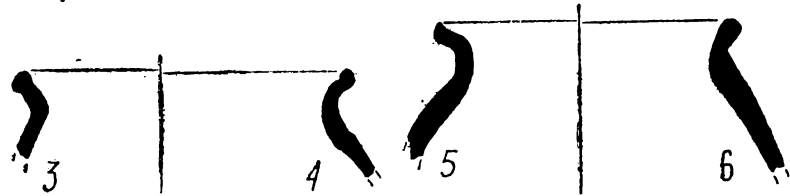
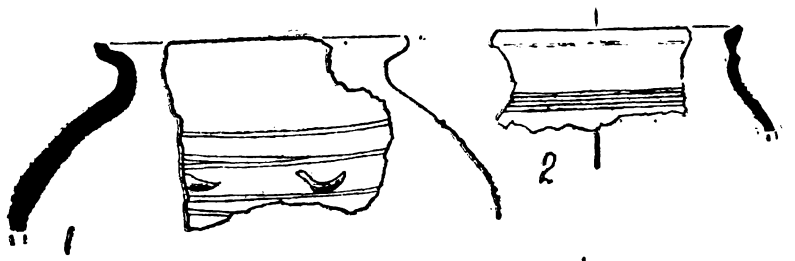

Рис. 4

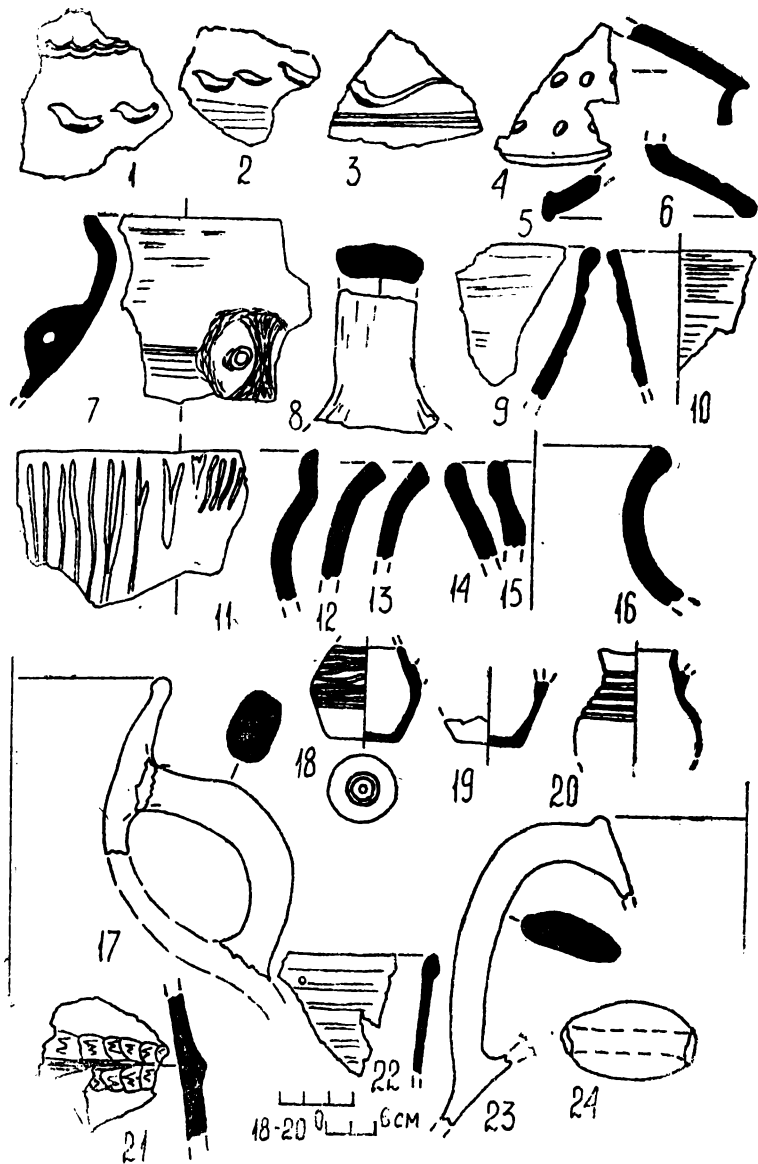

Рис. 5

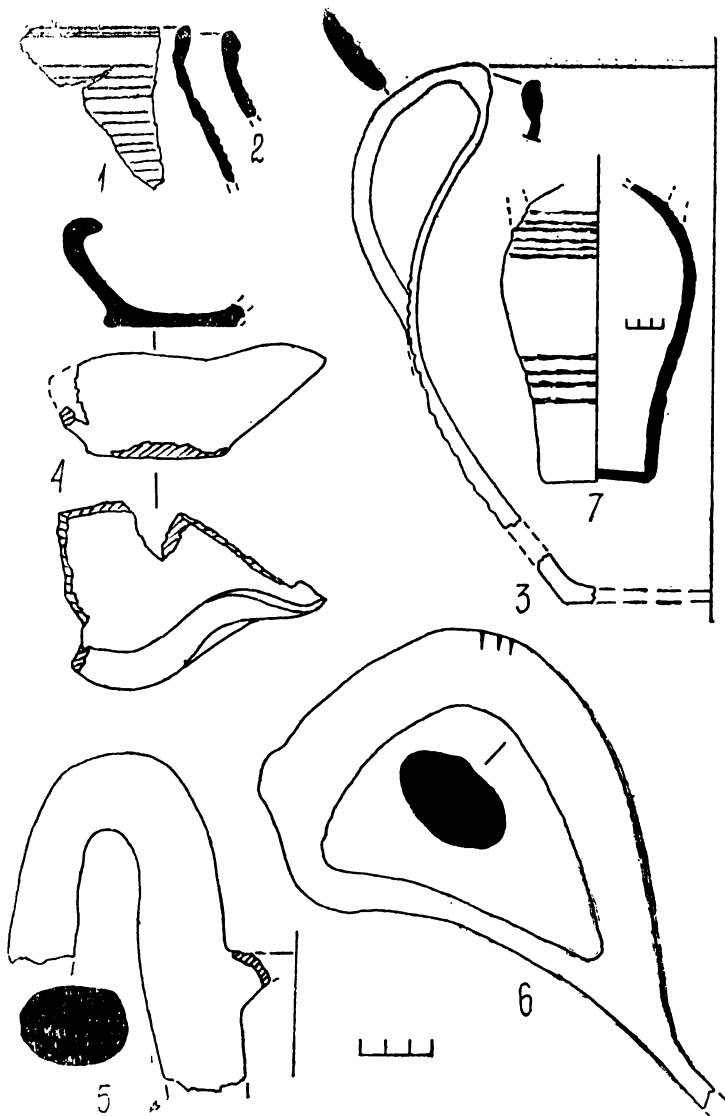

Рис. 6

рых чаще всего имеет характерную слоистую структуру, отражающую специфику формовочной массы.

Керамика из ожелезненных глин имеет желтый, коричневый разных оттенков или серо-черный цвет, зависящий от условий обжига. Очень редкие сосуды обожжены хорошо, до кирпично-красного цвета. Примеси. песок или песок в сочетании с ракушкой, попавшей, видимо, в глину вместе с морским песком; редко к этому сочетанию добавлена незначительная примесь органики; отдельные фрагменты имеют примесь крупных частиц мягкого минерала красного цвета, похожего на охру, или дресвы. Около 7 — 11 % фрагментов не имеют заметных примесей.

Все выделенные группы керамики, кроме А, крайне многочисленны и здесь предлагается классификация только группы А. Горшки на поселении представлены, в основном, фрагментами. Классификация представляет собой классификацию фрагментов венчиков горшков с учетом технологических схем их оформления: I — округление края венца; II — заострение края; III — срезание края наискось наружу; IV — горизонтальное срезание венца; V — срезание края наискось внутрь; VI — украшение края сплошным орнаментом. Внутри каждой схемы выделяются виды (см. таблицу 1).

Таблица 1

Схемы оформления	Виды	Белогл. кол-во	Красногл. кол-во	Рисунок
I	1	7	28	3, 11
	1a	—	5	4, 7
	1б	—	1	—«—
	1в	—	3	—«—
	1г	—	1	—«—
	2	28	29	3, 11
	2a	—	1	4, 7
	3	1	1	3, 11; 4, 7
	4	1	—	3, 11
II	5	5	30	3, 11; 4, 7
	5a	—	9	4, 7
III	6	2	7	3, 11
	7	1	—	—«—
	8	2	9	—«—
	8a	—	12	4, 7
	8б	—	4	—«—
	8в	—	1	—«—
	8г	—	2	—«—

	9	2	5	3, 11
	10	1	1	—«—
	11	11	7	—«—
IV	11a	—	1	4, 7
	12	3	1	3, 11; 4, 7
	13	1	—	3, 11
	14	1	—	—«—
	15	2	—	—«—
V	16	—	3	4, 7
VI	17	—	1	4, 7
	Всего:	68	162	

Необходимо добавить, что найдено также несколько фрагментов овальных или круглых в сечении, небольших ручек от горшков (рис. 3, 16). Они изготовлены как из белой, так и из ожелезненной глины. Чаще всего горшки и крышки орнаментированы сочетанием горизонтальных врезных линий и однорядной прерывистой волны. Иногда место волны занимает ряд различных серповидных, семячковидных или просто овальных углублений (рис. 3, 17, 18; 5, 1—3).

Группа В. Среди крышек имеются как белоглиняные, так и из ожелезненных глин, причем последние, как и горшки, худшего качества (рис. 3, 14, 15; 5, 4 — 6). Одна из крышек со сложным профилем украшена двумя рядами овальных лунок.

Группа С. Кувшинов на поселении немного, но часть их местного изготовления. К ним отнесены изделия из ожелезненной глины, похожей на глину сосудов из печи¹ со сравнительно низким качеством выделки и обжига (рис. 5, 8, 9, 18—20)². Другая часть кувшинов, возможно местного производства, имеет плотную коричневую или красную глину, лощение и, часто, горизонтальные валики-пояски (рис. 5, 11—17, 21).

Группа Д — амфорки «киевского типа». Найдены фрагменты одной белоглиняной с розовым изломом (рис. 3, 13). Другая имеет глину серого цвета, без примесей (рис. 5, 7). Третья амфорка найдена в печи 1. Подобные сосуды были широко распространены в Среднем Поднепровье в XII — XIII вв. Необходимо отметить, что амфорка на рис. 5, 7 бо-

лее близка к поднепровским — у нее петельки расположены на плечике у начала горловины, а не в месте наибольшего расширения тулова, как у амфорки из печи 1³.

Группа Е представлена, в основном, лепными светильниками (рис. 4, 9, 10), имевшими широкое распространение в Подонье, Тмутаракани, Древней Руси в X — XIII вв.⁴. Кроме того, найдена одна почти целая белоглиняная чашечка (рис. 3, 12) и фрагмент похожей чашки из ожелезненной глины.

Возможно, что к группе т. н. «казачьей керамики» XIX в. принадлежит фрагмент белоглиняного венчика, вероятно, от кружки (рис. 3, 10), хотя глина, из которой он изготовлен, не позволяет утверждать это определенно.

Из местных керамических изделий найдены также несколько целых и фрагментированных грузил (рис. 5, 24), шарики из плотной красной глины, подобные находкам в Азаке.

К привозной керамике отнесены отдельные редкие фрагменты кувшинов (рис. 5, 10, 22); светильник из плотной красной глины (рис. 6, 4); горшковидные сосуды с двумя (!) ручками, изготовленные из плотной красно-бурой глины, содержащей песок, оолитовый бурый железняк, часто слюду (рис. 6, 1 — 3). Черепок сосудов очень тонкий, нередко ок. 2,5 — 3 мм. Найдены фрагменты примерно от 20 горшков.

Большая группа привозной керамики — амфоры. Два вида наиболее распространены, по мнению А. Л. Якобсона, в XII — XIII вв. (рис. 6, 5, 6)⁵. Для амфор с высоко поднятыми ручками характерна обильная примесь органики в тесто ручек. Часто на обломках амфор встречаются фрагменты процарапанных граффити и следы белого ангоба. Амфоры с дуговидными ручками и частым рифлением на стенках количественно преобладают. Третьему виду небольших амфор с уплощенным дном и запесоченным тестом бурого цвета аналогии не известны (рис. 5, 23; 6, 7).

Из табл. 1 видно, что наиболее распространенными на Куричанском поселении видами венчиков являются 1, 2, 5, 8а, 11. Поскольку венчики вида 1 были весьма широко распространены во времени и пространстве, поиск аналогий им был бы бессмысленным. Что же касается вида 2, то широкие аналогии ему имеются в керамике Древней Руси XII — XIII вв.⁶. Появляется этот вид только во втор. пол. XI в.⁷ и на некоторых памятниках бытует до XIV — нач. XV вв.⁸. Вид 5 в Новгороде появляется также в XI в. и наиболее рас-

пространен в XII — XIII вв.⁹. Аналогии виду 5 в других городах показывают его бытование от XI до XV вв. с преобладанием также в XII — XIII вв.¹⁰. Вид 11 датируется втор. пол. XIII — XIV вв.¹¹. Виду 8а аналогии не найдены. По всей вероятности, такие венчики для древнерусской посуды не характерны. Аналогии некоторым другим видам: вид 4 — XII — XIII вв.¹², вид 8г — XIV — XV вв.; вид 16 — XIII — XIV вв.; вид 13 — XIII—XIV вв.¹³ вид 15 — со втор. пол. XII в.¹⁴, как видим, также укладывается в рамки XII — XIV вв. Виды 1, 2, 5а, 5 и похожие формы горшков представлены на древнерусских поселениях XIII — XIV вв. на Среднем Дону¹⁵.

Наличие белоглиняной керамики на Куричанском поселении, где она составляет 20 %, особо интересно, т. к. использование беложгущихся глин в нижнедонском регионе не характерно ни для одной из местных культур от эпохи бронзы до средневековья. Подсчет доли той или иной группы керамики произведен на основании типологически определенных профильных фрагментов венчиков, что более корректно, нежели подсчет всех фрагментов¹⁶. Несомненно, что белоглиняная керамика является комплексом, представляющим древнерусскую традицию изготовления кухонной посуды. Анализ данных табл. 1 показывает, что можно предполагать сильное влияние этой традиции на продукцию местных мастеров.

В связи с этим любопытен вопрос происхождения белоглиняной керамики на поселении: была она привезена сюда или изготовлена на месте? Большой процент белоглиняной посуды свидетельствует в пользу второго предположения. Могли ли гончары найти в Приазовье нужное сырье? Известно, что первичные и вторичные каолины (белые глины) распространены на всем протяжении украинской кристаллической полосы от Волынского Полесья до Азовского моря¹⁷. Промышленные месторождения огнеупорных глин есть в Матвеево-Курганском и Куйбышевском р-нах, в 30 — 60 км от с. Приморка¹⁸. Небольшие, но вполне достаточные для средневековых гончаров месторождения вполне могли быть ими найдены еще ближе к поселению. Кроме того, подтверждением местного происхождения белоглиняной керамики служит находка в закрытом комплексе («Жилище-1», 1987 год) бесформенного комка слабообожженной белой глины.

Вторую по численности группу керамики составляют кувшины. Крупные кувшины из печи 1¹⁹ близки к некото-

рым изделиям группы т. н. «красно-желтой ленточной керамики» в Белгороде на Днестре к XIII — XIV вв.²⁰, отличаясь от них грубым изготовлением и раздутой горловиной; возможно, они, как и амфорка из той же печи, являются подражательными изделиями и изготовлены мастером, не владевшим в полной мере искусством лепки таких крупных сосудов. Технология изготовления наших кувшинов: формовочная масса без грубых примесей, ленточная формовка, ангобирование и лощение части сосудов — сходна с технологическим описанием «красно-желтой» керамики²¹. Краснолощеному горлу двуручного (!) сосуда аналогии, скорее всего, также следует искать среди «красно-желтой» керамики, в которой многие «амфоровидные» сосуды, горшки и кувшины имели по две ручки²². «Красно-желтая ленточная керамика», согласно существующей концепции, была распространена в XIII — XIV вв. на территории от Пруто-Днестровского междуречья до Поволжья. Происхождение ее связывается с более ранними культурами: сармато-аланской, алано-болгарской и салтово-маяцкой²³. Таким образом, на формирование керамического комплекса Куричанского поселения оказала влияние не только древнерусская гончарная традиция, здесь изготавливали посуду, формы которой восходят, в конечном счете, к салтово-маяцкой керамике, на что уже было указано ранее²⁴.

Раскопки и полученные в их ходе материалы позволяют уточнить предложенную ранее датировку Куричанского поселения втор. пол. X — нач. XIV вв.²⁵. Дату возникновения поселения следует отнести к XII в., поскольку все аналогии местной керамике укладываются, в основном, в пределы XII — XIV вв. и общий культурный облик поселения более близок предмонгольским памятникам Древней Руси, нежели XI и, тем более, X в. Учитывая находку в верхнем горизонте культурного слоя медной скифатки конца XII в.^а) и, с другой стороны, отсутствие на поселении золотоордынских монет; верхнюю дату поселения необходимо отнести в период с нач. XIII в. до нач. XIV в., т. е. жизнь здесь утасла в этом, примерно столетнем, промежутке. В этот период произошли два события, способных негативно повлиять на развитие процветающего земледельческо-рыболовецкого поселения: монгольское завоевание и междоусобная война Ногай и Тохты в конце XIII в. С учетом наличия на поселении поздних видов поливной керамики конца XIII — XIV вв. (напри-

мер, с подглазурной росписью ангобом²⁷), я склонен датировать его XII — концом XIII вв.

Появление Куричанского поселения следует, видимо, объяснять постепенным заполнением древнерусскими переселенцами демографической лакуны в Приазовье и на Нижнем Дону, образовавшейся здесь после запустения салтово-маяцких селищ. В этом отношении наше поселение родственно таким памятникам как Казачий Ерик и Донской-1⁶⁾ в дельте Дона; средневековый слой Кобякова городища, городище Самбек (древнерусский слой), расположенное рядом с нашим поселением²⁸. Наиболее вероятно проживание на Куричанском поселении выходцев из южнорусских земель. На это указывает наличие здесь поднепровских амфор и плужного ножа, принадлежащего к южной группе пахотных орудий Древней Руси²⁹.

а) Болгарское подражание византийской биллоновой трахее Исаака II Ангела (1185—1195). Благодарю за определение монеты В. Гурулеву. Ранее приведенная дата монеты²⁶ является результатом ошибочного определения.

б) Поселение обнаружено летом 1991 г. Н. М. Фомичевым и В. И. Перевозчиковым, сотрудниками Азовского музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. В. Рязанов. Гончарная печь на Куричанском поселении. — Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990; Его же: Славянское поселение близ г. Таганрога. — Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Азов, 1991.
2. С. В. Рязанов. Гончарная печь. с. 108, 110.
3. Там же, рис. 2, 16.
4. С.А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 253.
5. А. Л. Якобсон. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 110, рис. 68; с. 112, рис. 69.
6. Н. В. Седова. Ярополч Залесский. М., 1978, с. 91; Т. Н. Никольская. Городище Слободка XII — XIII вв. М., 1987, с. 169 сл.; Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 301.
7. Археология Украинской ССР, Т. 3 Киев, 1986, с. 449, рис. 106.
8. Н. В. Жилина. Материальная культура Твери (по раскопкам 1979 — 1984 гг.) — Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987, с. 73; П. Д. Малыгин. Культурный слой среневекового Торжка. — КСИА, 1989, Вып. 195.
9. М. В. Седова. Ук. соч., с. 92.
10. Т. Н. Никольская. Ук. соч., с. 169 сл.; М. В. Малевская. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII — XIII вв. — КСИА, 1978, Вып. 125, с. 29, рис. 5; С. О. Беляева. Про основні принципи датування південноруських пам'яток другої половини XIII—

- XIV ст. — Археология, 1979, Вып. 31, с. 36 сл.
11. Н. В. Жилина. Ук. соч., с. 73.
 12. М. В. Седова. Ук. соч., с. 91.
 13. Т. Н. Никольская. Ук. соч.
 14. М. В. Малевская. Ук. соч., с. 29, рис. 5.
 15. М. В. Цыбин. Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII—XIV вв. (район Среднего Подонья). — Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987, с. 170, рис. 3.
 16. С. В. Белецкий. Псковское городище (керамика и культурный слой). — Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 61; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — ИГАИМК, 1935, Вып. 131, с. 68 сл.
 17. Технология керамических изделий. М. — Л., 1946, с. 55.
 18. Д. А. Брѳкович. Таганрог (географический очерк). Таганрог, 1948.
 19. С. В. Рязанов. Ук. соч., рис. 2.
 20. А. А. Кравченко. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV вв.). Киев, 1986, с. 52, рис. 19, 1, 7.
 21. Там же, с. 56; Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 49.
 22. А. А. Кравченко. Ук. соч., с. 49; Древняя культура Молдавии... с. 162.
 23. А. А. Кравченко. Ук. соч., с. 56.
 24. С. В. Рязанов. Гончарная печь.
 25. В. А. Числова. Поливная керамика в Куричанском поселении. — Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983, с. 132.
 26. С. В. Рязанов. Славянское поселение. с. 114.
 27. А. Л. Якобсон. Ук. соч., с. 144.
 28. П. А. Ларенок. Хронология средневекового слоя городища Самбек. — Проблемы хронологии. , с. 128.
 29. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985, с. 222.

М. И. КРАЙСВЕТНЫЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОНСКИХ ФОРМИРОВОК ВИНОГРАДНОГО КУСТА

В традиционном донском виноградарстве принято выделять два основных типа насаждений: виноградники с чашевидными формировками и виноградники с «цимлянской шпалерой».

Все чашевидные формировки, как правило, носят название «донская чаша», хотя заметно отличаются друг от друга. Эти отличия сложились в результате приспособления ведения культуры к местным агроклиматическим и экономическим условиям. Изучение агротехнических приемов позволяет

проследить последовательность их выведения. В виноградниках этого типа возделываются сильнорослые сорта, относящиеся, в основном, к сортам понтийской экологической группы. Сильный рост кустов обеспечивается уже при закладке виноградника. Посадка производится длинными, до 1,5 м черенками, связанными в кольцо, что обеспечивает появление нескольких побегов и развитие мощной корневой системы. Формировку куста начинали на 3 год. Обрезкой создавали сильно разветвленные рукава, которые равномерно располагались на опорах в наклонной плоскости. Каждому виду формировки соответствовала определенная конструкция опор.

Формировка «донская чаша», ранее носившая название «донского» или «раздорского» куста, имеет четыре многолетних разветвленных рукава, наклонно развернутых на четыре стороны. Угол наклона — 45° . Опорную конструкцию для этой формировки начинали делать непосредственно с началом формирования куста. На расстоянии 1,5 м от головки куста вкапывались 4 вертикальных кола высотой 1 — 1,3 м, носящие название сох. На высоте 1 м сохи соединялись между собой поперечными жердями — слегами. Сохи и слеги скреплялись ивовыми прутьями. Полученная четырехугольная конструкция носила название постели, к которой и подвязывали рукава и побеги. Из-за сильного роста кустов уже на 4 или 5 год ставили вторую «постель», а по мере необходимости — третью. В результате получался куст высотой до 4 м и общей занимаемой площадью до 25 м^2 .

На виноградниках к югу от ст. Бессергеновской до ст. Аксайской кусты имеют, как правило, только одну постель. По терминологии раздорских виноградарей эти формировки носят название «получаш». Донские виноградары считают соединение кустов нежелательным, так как, по их мнению, это создает затемнение соседних кустов, препятствует вентиляции и создает условия для заболеваний. Встречающееся повсеместно соединение кустов в одно целое связано не с желанием «создать единый листовой полог»¹, а с нехваткой рабочих рук, времени и материалов.

Несколько отличным видом чашевидной формировки является «золотовский куст». Повторяя агротехнику «донской чаши», он отличается тем, что развернут не на 4, а на 2 противоположные стороны. Эту формировку можно назвать двухплоскостной наклонной шпалерой. Разворот куста только на

две стороны позволяет более густую посадку, часто линейную. В связи с тем, что в такой формировке эксплуатируется не 4, а только 2 рукава, опорная конструкция выглядит несколько иначе. На расстоянии 1 м от головки куста ставят вертикальные колья «подсошки», которые на высоте 1 м соединяют горизонтальными жердями — «подслежками», расположенными параллельно друг другу. Второй ряд из сох и слег ставят на расстоянии 2 м. Происхождение «золотовского куста» из «донской чаши» не вызывает сомнений. Дальнейшим развитием «золотовского куста» являются формировки, преобладающие на виноградниках хут. Камышный. Район этот пограничный: к югу от него расположены чашевидные виноградники, к северу — преобладает «цимлянская шпалера». Влияние районов с различной агротехникой четко прослеживается на местных формировках.

Ее опорная конструкция выглядит следующим образом. На расстоянии 1 м от головки куста вкапываются вертикальные или чуть наклонные высокие сохи. Они соединены между собой горизонтальными слегами. Первый ряд слег крепится на высоте 1,0 — 1,2 м, второй — 2 м. Конечные сохи соединяются одной слегой на высоте 1,5 м. Расстояние между опорами соседних рядов часто не превышает 1 м. При буйном росте побего свешиваются с верхнего ряда слег в междурядья, зачастую соприкасаясь с приростом соседнего ряда. Это придает междурядьям вид зеленых коридоров-галерей.

Совершенно иным типом являются насаждения в виде «цимлянской шпалеры». Эта формировка распространена в районе г. Цимлянска и к северу от него. «Цимлянская шпалера» представляет собой двухплечный горизонтальный кордон, направленный в одну сторону. В качестве опор применялись два вертикальных кола, соединенных между собой горизонтальными жердями длиной до 4 м. Обычно применялось два ряда жердей. Характерной особенностью этой формировки было омолаживание при помощи отводок, что приводило к созданию единой системы с одним материнским кустом.

В литературе, как правило, вопросы происхождения донских формировок не затрагиваются. Исключение представляет «цимлянская шпалера», прототип которой находят во Франции². Пожалуй первым, кого заинтересовало происхождение формировки «донская чаша», был А. И. Потапенко, который считал ее местной, возникшей эмпирическим путем на основе виноградарских традиций Дагестана³. Позднее он

высказал мнение о безусловном происхождении «донской чаши» от формировки типа «астраханская галерея»⁴. Этот вывод А. И. Потапенко сделал на основании изучения камышинских формировок, в которых увидел «правильные галереи», являющиеся прототипом «донских чаш». Различия в конструкции опор автор считает несущественными, так как сходны названия их элементов: сохи, слегги, подсошники, подслежки. Главной причиной возникновения формировки «донская чаша» является, по мнению А. И. Потапенко, приспособление «галереи» к особенностям рельефа.

Рассмотрим подробнее путь, которым должны были пройти донские виноградари, превращая «галерею» в «чашу». Прежде всего, было необходимо внести виноградный куст внутрь опорной конструкции, отказавшись от привычных и удобных для работы междурядий. Затем перейти на плоскостное размещение рукавов и побегов, придумать внутреннюю опорную конструкцию, разбить на отдельные кусты и, наконец, развернуть куст на четыре стороны. Не слишком ли это сложный путь? Ведь нужно было еще уничтожить все следы галерей на обширной территории.

В поисках прототипа «донской чаши» попробуем обратиться к классическому греко-римскому виноградарству. Античные виноградари не только успешно применяли на практике накопленный опыт, обобщенный в работах Катона, Варрона, Плиния, Колумеллы, но и развивали и совершенствовали его. Особенно успешно виноградарство развивалось там, где агроклиматические условия были жестче, чем в Греции и Италии. В этом нас убеждают археологические исследования в Северном Причерноморье. Применение укывки винограда, создание оригинальных влагонакопителей, совершенствование виноделен и пр. — все это несомненные достижения виноградарей античных Крыма и Тамани.

В литературе отмечалось сходство донских формировок с античными⁵. Перечисляя различные типы формировок виноградного куста, Плиний пишет: «... есть такие, что неукротимо расползаются, заполняя середину атриев» (N. H. XIV, 3, 13). И далее описывает ее вид: «... лоза ... опирается на четырехугольник из перекладин, принимая форму водоема... Водоемная (формировка — М.К.) богаче вином... Она разветвляется по четырем перекладинам на столько же частей» (N. H. XVII, 164, 166). Для данной работы наибольший интерес представляет формировка, встречающаяся под наз-

ванием «атрий», «комплювий», или водоемная «беседка». Название «водоемная» возникло в результате неточности перевода текста Плиния, сделанного М. И. Бурским⁶. В тексте стоит термин «комплювий», который следовало перевести как «четырёхугольный». Комплювием называется сделанное в крыше атрия четырёхугольное отверстие с наклонными, расширяющимися кверху плоскостями. В описании Варрона опорная конструкция этой формировки выглядела следующим образом: «Переplet для винограда, напоминающий атрий, устраивался так: четыре жердины, расположенные четырёхугольником, соединяли вверху четырьмя жердями; с каждого из четырех углов спускали вниз не очень длинные жердочки и нижние концы их соединяли тоже жердочками...» (I, 8, 2). У Колумеллы описание формировки «беседка» аналогично предыдущему (III, 9, 3).

Реконструкция этой формировки очень близка «донской чаше»: имеется вторая внешняя постель и первая, у которой, однако, отсутствуют поддерживающие сохи. Последнее обусловлено, видимо, тем, что большая парусность куста на Дону при сильных восточных ветрах привела бы к расшатыванию конструкции, раскачиванию самого куста, обломке почек и всего прироста. Вероятно, стремление избежать этого привело к дополнительному укреплению первой постели вкопанными сохами, а ставшие ненужными поддерживающие ее жерди были убраны.

Ценность этой формировки в ее высокой урожайности. Колумелла писал, что один и тот же сорт давал на «ярме» (шпалере — М.К.) всего 3 урны (39 л), а на «беседке» — 10 амфор (260 л) вина (III, 9, 3). «Донская чаша» способна дать 200—300 и более кг винограда.

Основываясь на вышеизложенном, можно говорить о том, что прототипом формировки «донская чаша» является античная формировка «атрий» или «комплювий», приспособленная к местным условиям.

Аналогом «цимлянкой шпалере» в античном виноградарстве являлась формировка «ярмо». Метод омолаживания кустов с помощью отводок был широко распространен в античном виноградарстве (Катон, 33, 2). В основе виноградарства Франции лежит античное, поэтому исследователи и видят сходство «цимлянкой шпалеры» с бургундской. Вероятнее всего подобная формировка появилась на Дону одновременно с «чашей».

Несомненно, античные формировки пришли на Дон непосредственно из Греции или Италии, а через Крым и Тамань, где элементы античного виноградарства фиксируются до настоящего времени. Археологические исследования позволяют считать античные Крым и Тамань районами промышленно развитого виноградарства. Археология не всегда может помочь в изучении агротехники виноградарства, и можно только предполагать, как выглядели виноградники Херсонеса и Боспора. Пока можно говорить только о двух типах формировки: арбустум, где в качестве опор использовались деревья, и, предположительно, о формировке «в расстилку»⁷.

В решении вопроса о применении на Боспоре и в Крыму формировки «атрий» необходимо обратиться к торгово-экономической ситуации в регионе. Рядом с зонами античного виноградарства в Причерноморье находился чрезвычайно емкий рынок сбыта. Варвары — скифы и сарматы, войдя в торговые контакты с соседями, требовали огромного количества различных товаров, среди которых значительное место занимало вино. На рубеже IV — III вв. до н. э. ок. 4 тыс. дкл вина ввозилось в низовья Дона ежегодно⁸. Количество ввозимого вина постоянно увеличивалось. Спрос на него бесспорно должен был привести к интенсификации виноградарства, повышению его эффективности за счет усовершенствования традиционных агротехнических приемов, их приспособлению к местным условиям. Аналогичный процесс отмечен при археологическом изучении различных типов виноделен: в течение всего античного периода их количество увеличивалось, технология изготовления вина развивалась и совершенствовалась⁹.

Перенос формировок на Дон мог произойти в VIII — IX вв. н. э., когда Подонье входило в состав Хазарского каганата. Осуществить его могли или болгары, или местное население Тамани — меоты, ассимилированные или переселенные болгарами.

Причины, в силу которых в настоящее время мы не можем обнаружить в Крыму и на Тамани аналогий донским формировкам, лежат в длительном господстве в этих районах турок. С появлением мусульман-турок виноделие повсеместно запрещалось и преследовалось, что влекло за собой и упадок культуры виноградарства. На Дону подобного положения не существовало, что и позволило сохранить здесь

старую агротехнику. Таким образом, Дон можно считать своеобразным заповедником, сохранившим античные традиции классического виноградарства. Вместе с формировками на Дон пришли античные виноградарские инструменты и винодельческие традиции.

Перенос всей виноградарской культуры на Дон из районов Прикаспия практически ничем не подтверждается. Несомненно, выходцы из Дагестана принесли с собой отдельные сорта винограда, но, столкнувшись на Дону с более высокой античной культурой виноградарства, были ею поглощены. Поэтому, видимо, мы не можем обнаружить реальных следов восточного виноградарства в Подонье.

Группа европейских сортов винограда могла появиться здесь вместе с формировками с Тамани или из Крыма еще в средневековое время. Традиционные экономические и политические связи Дона с этими районами были гораздо прочнее и эффективнее, чем с Восточным Предкавказьем, что зафиксировано археологическими данными.

Примечания:

1. А. И. Потапенко. Старожил земли русской. Ростов, 1976, с. 3.
2. Н. Н. Простосердов. Виноградарство и виноделие в Донской области. Пгр., 1915; Ф. М. Пронин. Агротехника виноградарства Ростовской области. — В кн.: Донское виноградарство. Ростов, 1939; А. М. Негруль. Происхождение культурного винограда и его классификация. — В кн.: Ампелография СССР, Т. 1, М., 1946.
3. А. И. Потапенко. Ук. соч., с. 39.
4. «Знамя коммуны» (Новочеркасск), № 179 за 16 сентября 1982 г.
5. Я. И. Потапенко. Улучшение среды и свойств растений. Ростов, 1962; М. И. Крайсветный. О времени появления культуры винограда на Дону. — В кн.: Повышение эффективности производства и улучшение качества винограда и вина. Новочеркасск, 1980.
6. Катон, Варрон, Плиний и Колумелла о сельском хозяйстве. (Пер. М. И. Бурского). М. — Л., 1937.
7. А. М. Негруль. Ук. соч.; С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник, вып. VI. Симферополь, 1961.
8. И. Б. Брашинский, К. К. Марченко. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа. — СА, 1980, № 1.
9. В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре. — МИА, 1958, № 85; И. Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Использованные источники:

1. Катон, Варрон, Плиний и Колумелла о сельском хозяйстве. (Пер. М. И. Бурского). М. — Л., 1937.
2. Катон. Земледелие. Варрон. Сельское хозяйство. Плиний. Естественная история. — В кн.: Ученые земледельцы древней Италии. (Пер. М. Е. Сергеевко). Л., 1970.
3. Pliny. Natural History, Vol. 4. L., 1952; Vol. 5. L., 1971.

ЗНАМЕНА ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА 1-Я ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Знамена, пожалованные российским Государем Петром Алексеевичем донским казакам в 1-й четверти XVII века, делятся на две группы: 1 — Войсковые знамена; 2 — походные (станичные) знамена, бунчуки и значки. Все они в указанное время жаловались Войску Донскому в целом и различались лишь способом употребления. Походные знамена призваны были непременно сопровождать казаков в боях и походах, являя собою священные хоругви, объединяющие верных своему долгу воинов на поле брани. Что же касается войсковых знамен, то способ употребления их самостоятельно сложился на Дону к началу XVIII века. В отписке Войскового Атамана в Военную Коллегию от 9 февраля 1722 года указывалось, что «... великое знамя (войсковое, пожалованное в 1706 году — А. Р.)... во время прибытия на Дон нашего Императорского Величества жалования и за виктории и до днесь в войсковой круг вносится»¹. Закрепляя такой способ употребления войскового знамени, Император Петр I в грамоте на Дон от 28 февраля 1722 года указывал: «... дабы оное в поход никуда вы не брали, а употребляли б его в Черкасском по вашему обыкновению в торжественные дни и прочие публичные пристойные оказии»².

Первое пожалование войскового знамени в XVIII столетии относится к 1706 г. Поводом к этому событию послужило участие донцов в усмирении Астраханского восстания. Повстанцы, недовольные ростом налогов, неизбежным в военное время, а также произволом местных властей и нововведениями царя Петра, послали своих нарочных к донским казакам с «прелестными письмами»: Последние отвергли предложение восставших об объединении сил, и, взяв под стражу гонцов, отправили их под конвоем в Москву. Конные казачьи отряды старшин Максима Фролова, Василия Поздева, Ефрема Петрова и судовая казачья рать во главе с Федором Фроловым, Семеном Терентьевым и Семеном Васильевым отправились под Царицын на помощь государевой рати. Успешные действия донцов против повстанцев в августе — сентябре 1705 г. расстроили планы восставших о распространении восстания на города Среднего Поволжья.

Признательный Государь в ряду прочих милостей пожаловал казакам 21 февраля 1706 г. « в вечную бессмертную память» одно войсковое знамя и шесть станичных знамен³.

Войсковое знамя имело середину из голубой камки и кайму темно-голубого цвета, обведенную золотом. На середине поля полотнища, с обеих сторон, писаное золотом изображение Честного и Животворящего Креста, с копьем и тростью по сторонам. Вокруг креста — серебряные восьмиконечные звезды: двенадцать больших, расположенных по всему полю полотнища, и четыре малых близ креста, в верхней его части. Судя по числу звезд, можно предположить, что большие представляли число Апостолов, а малые — Евангелистов. Каких-либо надписей на этом знамени не было⁴.

Пожалованные тогда же в числе прочих воинских клейнодов шесть станичных знамен были изготовлены из камки, а изображения наносились золотом и серебром. Эти знамена были отправлены на Дон 29 января 1706 г. со стольником С. П. Бестужевым-Рюминым под охраной казаков зимовой станицы во главе с атаманом Ефремом Петровым. Сведения о первоначальном виде станичных знамен, их расцветке, размерах и изображениях на них пока не обнаружены⁵.

В дальнейшем воинские клейноды, иногда именуемые «походными», к которым относились походные (станичные) знамена, бунчуки и значки, жаловались не за конкретные заслуги или отличия, а в числе прочих предметов государева жалованья. Так, в 1711 г. по указу Государя были изготовлены в Посольском приказе и отосланы на Дон 10 знамен и 3 бунчука, выполненные из камки; « а на тех знаменах были написаны живописным письмом образа: Христа Спасителя и Пречистыя Богородицы, Архистратига Михаила и святых разных, кругом каймы писаны золотом в два ряда и меж каймы звезды и репы, а на бунчуках рука благословящая из облака, да в середине кресты и звезды писаны.»⁶. Изготовлены были эти знамена и бунчуки живописцем Василием Скоробогатовым и его подмастерьями, а « за труды, и за золото, и серебро и за краски» уплачено им было 48 руб. 72 коп.⁷.

Год спустя с подъячим Малороссийского приказа Василием Жадаевым на Дон в числе прочего государева жалованья отправлены были казакам 8 знамен, 3 бунчука и 2

значка. Изготовлены они были в Посольском приказе теми же мастерами по именному указу государственного канцлера графа Г. И. Головкина от 26 января 1712 г. На изготовление их пошло «... три косяка камок. да на пришивку к древкам китайки.»*. На тех знаменах «. . . писано живописным письмом образы: на 1-м Спаса Нерукотворенного, на 2-м Пресвятыя Богородицы Знамения, на 3-м Иоанна Предтечи, на 4-м Николая Чудотворца, на 5-м Сергия Чудотворца, на 6-м пророка Илии, на 7-м Иоанна Воинственника, на 8-м Федора Стратилата. На бунчуках: на 1-м Архистратига Михаила, на 2-м Дмитрия Селунского, на 3-м Георгия Страсто-терпца, — все на конях. На значках: на обоих гербы государевы. Вокруг всех знамен и бунчуков и значков каймы в два ряда, между ими звезды и репы писаны золотом и серебром, и против прошлого года в лишке писано на 3-х бунчуках у вышеименованных образов кони у святых, да кайма и звезды и репы золотом и серебром.»³. По указу Государя от 23 марта 1712 г. государственный канцлер граф Г. И. Головкин и подканцлер барон П. П. Шафиров приказали: группе живописцев Василия Скоробогатова за изготовление знамен, бунчуков и значков выплатить 48 руб. 40 коп. из Посольского приказа.

В 1716 г. по отпискам Войска Донского и по прошению находившегося в Санкт-Петербурге Войскового Атамана Василия Фролова было велено немедленно изготовить донцам 6 знамен и 2 бунчука, взяв необходимые материалы в Сибирском приказе. Изготовленные в кратчайший срок, знамена и бунчуки 23 апреля 1716 г. с подъячим Федором Ключаровым и казаками зимовой станицы были отправлены на Дон⁹.

В справке Коллегии Иностранных дел от 21 марта 1745 года, подготовленной для нужд Военной Коллегии, о знаменах и бунчуках, пожалованных Войску Донскому в 1716 г., говорилось: «На первых трех знаменах, из камок лазоревого цвета, мерою середина всякого знамя шириною в два полотнища, длиною в верхнем конце 3 аршина без двух вершков, в исподнем конце два аршина с полувершком, олушены камкою красного цвета, шириною та опушка в полполотнища косяка, длины в верхнем конце 3 аршина и 6 вершков, в исподнем 2 аршина с полувершком, в поперечном конце 2

*) Камка — шелковая китайская ткань с разводами; китайка — простая бумажная ткань, изначально мутно-желтая.

аршина и на оных написано: на первом образ Всемилостивого Спаса с предстоянием Пресвятыя его Богоматери и Св. Иоанна Предтечи; на втором образ Пресвятыя Богородицы Знамения; на третьем образ Архистратига Господня Михаила, с каймами, в каймах звезды и репы, писанные золотом и серебром; другие три знамя из камок красного цвета, опушены камкою лазоревого цвета, во всем вышеписанною же мерою и на оных написано на всех серебром Животворящий Крест Господень, кругом каймы ж, в каймах звезды ж и репы, писанные золотом и серебром; 2 бунчука, камок желтого цвета, мерою середины, в длину и в ширину по аршину по 3 вершка, опушены кругом камкою красного цвета, шириною опушка в пять вершков, у тех бунчуков по 2 косицы, сначала от середины шириною в полполотнище камки, длину по 3 аршина, опушены камкою красного цвета, шириною опушка против вышеописанного ж и на оных написано: на первом образ Св. Великомученика Георгия, на втором образ Св. Стратотерпца Иоанна Воинственника, с каймами ж, в каймах звезды и с репы, писанными с золотом и с серебром, и на тех знаменах и бунчуках образы и кресты писаны на обеих сторонах.»¹⁰. За изготовление знамен золотописцам было выплачено 32 рубля.

В 1720 г. Великий Государь и Великий Князь Петр Алексеевич приказал послать на Дон клейноды, сделав их точно такими же, каковы были отправлены Войску Донскому в 1716 г. Ответственными за исполнение государева указа были назначены ассесоры Посольского приказа Михаил Шафиров и Михаил Ларионов. Работы по изготовлению новых шести знамен и двух бунчуков были окончены через три месяца, и 17 июля 1720 г. клейноды были переданы есаулу зимовой станицы Ивану Васильеву, который вскоре отбыл на Дон¹¹.

В 1700 — 1721 гг. донские казаки приняли живое участие в кампаниях Северной войны. Оставаясь бессменной стражей южно-русских окраин, донцы также бились в Лифляндии, у Лесной, под Полтавой и Переволочной. Войсковой атаман Василий Фролов обратился 23 февраля 1722 г. в Военную Коллегию с прошением о пожаловании Войску Донскому по случаю заключенного с Швецией мира, в знак монаршей милости, большого войскового знамени по образцу ранее жалованного. Император Петр I 28 февраля 1722 г. указал: «. дать знамя большое тафтяное белое с гербом на-

шего императорского величества, надписав около того герба полное титуло нашего императорского величества, изъясня именно, что дано то знамя вам, Донскому Войску, ради учиненного с короною Шведскою вечного мира, а сделать то знамя из мундирной канцелярии на счет Военной Коллегии из наличной казны.»¹².

Изготовленное из белой тафты — гладкой, тонкой шелковой ткани, войсковое знамя несло на себе писанные красками, золотом и серебром изображения, о обеих сторон одинаковые. На середине полотнища был помещен Государственный герб Российской Империи в обрамлении многоцветных гербов: Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского, Казанского и Астраханского; ниже этих гербов, полукругом, развиты вверх пальмовые ветви зеленого цвета и писанные золотом масличные ветви. По кайме знамени, меж двух золотых полосок, на одной стороне полотнища сделана надпись: «Божиею поспешествующею милостию, Всепрестелыйший, Державный, Великий Государь Петр Алексеевич, Император и Самодержец Всероссийский. .» и далее шел полный императорский титул, а на другой стороне, — «Дано сие знамя Его Императорского Величества верным подданным Войску Донскому, за оказанную их во время войны со Шведами и для учиненного с короною Шведскою вечного мира».

Из всего вышеизложенного следует, что за период правления Государя Петра Алексеевича Донскому Казачьему войску были пожалованы 2 войсковых знамени, 36 станичных (походных) знамен, 10 бунчуковых и 2 значка.

Примечания.

1. Акты, относящиеся к Истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск. 1891. с. 291.
2. Там же. с. 292.
3. Там же, с. 252.
4. Акты. , Т. II. Новочеркасск, 1894. Ч. 2, с. 382.
5. Там же, с. 455.
6. Акты. , Т. III. Новочеркасск, 1894, с. 309.
7. Там же, с. 153.
8. Там же, Т. III. Новочеркасск. 1894, с. 153—154.
9. Там же, с. 154, 311.
10. Там же, с. 155.
11. Там же, с. 314.
12. Акты. Т. I, с. 292.

**ОБОРОНА АЗОВСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
ДОНСКИМИ КАЗАКАМИ В 1855 г.**

Начиная со второй пол. XV в., донским казакам на протяжении более 400 лет приходилось участвовать в сражениях против Турецкой империи (Оттоманской Порты) и ее вассалов на Дону, в Приазовье, Крыму, Кавказе, на Балканах, в Азовском и Черном морях. Ни одна русско-турецкая война не велась без участия донских казаков. Такой войной стала и Крымская (1853—1856 гг.).

Рост экономического могущества и торговли России в бассейне Черного и Азовского морей, ее стремление к выходу в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток, а также соперничество с великими европейскими державами — Великобританией, Францией и Турецкой империей привели к очередной войне с Турцией и ее союзниками. Военные действия развернулись на Балканах, в Крыму, Закавказье. Не имея успехов на Дунае и в Закавказье, англо-французское командование приняло решение вторгнуться в Крым. Имея подавляющее преимущество на море, они высадили десант в районе Евпатории и развернули наступление на Севастополь. Южнее Севастополя англичане захватили Балаклаву. 13 сентября 1854 г. Севастополь был объявлен на осадном положении и началась его героическая оборона.

В начале мая 1855 г., в разгар боев за Севастополь, объединенная англо-французская эскадра вошла в Керченский пролив и, после жестокой бомбардировки Керчи, высадила 20-тысячный десант, который, сломив сопротивление 4-тысячного гарнизона, овладел городом. Путь в Азовское море был открыт¹.

Один из полков, оборонявших Керчь, — Азовский, вынужден был отступить в сторону Балаклавы, где вступил в бой с англо-французским десантом и, по свидетельству очевидца, «... азовцы, не обращая внимания на шквальный артиллерийский и ружейный огонь, ворвались на укрепления противника и одержали победу». В результате этого боя, одна из очередных вылазок англо-французов против Севастополя была сорвана².

Тем временем, англо-французская эскадра в составе 20 линейных кораблей, 50 паровых фрегатов и канонерских ло-

док ворвалась в Азовское море. Перед эскадрой английское Адмиралтейство поставило задачу — нарушить русские коммуникации на Азовье, подвергнуть разгрому все важнейшие порты и населенные пункты на побережье и заблокировать устье Дона.

Разделившись на несколько отрядов, корабли англо-французов, действуя по принципу корсаров, практикуемому английским военно-морским флотом со времен Фрэнсиса Дрейка, подвергли жесточайшей бомбардировке с моря Геническ, Бердянск, Ейск, Мариуполь и, наконец, Таганрог. 22 мая 1855 г. на рейде Таганрога появились 17 паровых фрегатов и две канонерские лодки³.

Ко времени вторжения англо-французов в Азовское море русских военно-морских сил здесь не было. Побережье было практически не укреплено. От Геническа и до Таганрога все северное побережье обороняли только три полка донских казаков — Зарубина (62-й), Кострюкова (66-й) и Краснянского (68-й). Общее командование возлагалось на генерала Краснова 1-го. Кроме этих полков в Мариуполе находились две отдельные казачьи сотни, а в Таганроге — гарнизонный батальон и местная команда.

Накануне появления англо-французской эскадры на рейде Таганрога будущий основатель Донского музея двадцатилетний Харитон Попов писал своим родителям в Новочеркасск: «. неприятель уже разгуливает в Азовском море (мы теперь его дожидаемся с часа на час). Из Мариуполя получено от полка Кострюкова известие, что неприятельские суда уже появились в виду их; у нас ужасная тревога, полк наш весь выступил на бивак, т. е. в лагерь, а войск только и всего — наш полк да полубатальон пехоты, артиллерии же вовсе нет; говорят, что с Дону еще придут сюда полки. В самом городе вот уже третий день суматоха: и выезжают, и выходят, кто как успел; только мужчинам не приказано выезжать. Бог знает, что и будет. И так, милые родители, простите меня заочно и благословите на защиту Отечества, молитесь о нас Бога, чтобы Он, Всевышний, подкрепил силы наши; а мы, если возможность дозволит, готовы пролить кровь до последней капли. »⁴.

Итак, впервые 22 мая 1855 г. Таганрог подвергся ожесточенной бомбардировке с моря. По городу было выпущено более 10 тыс. снарядов. В городе и порту запылали пожары. Горели провиантские склады, жилые дома и госпиталь, над

которым по обычаям того времени развевался огромный желтый флаг. Одновременно, под прикрытием 4-х фрегатов и канонерских лодок, неприятелем была предпринята попытка высадить морской десант из 300 человек, который, по донесению походного атамана генерал-лейтенанта Краснова, был сброшен в море. Он докладывал: «Отличный штаб-офицер (Македонский) рассыпал роту свою в ограде, защищенной садом, мигом заставил неприятельских стрелков отступить, а потом дружным ударом опрокинул их и принудил опроремью бежать к своим лодкам.»⁵.

В начале июня 1855 г. талантливый казачий генерал М. Г. Хомутов — герой Отечественной войны 1812 г., Наказный атаман Области Войска Донского с 1848 по 1862 гг., сумел сосредоточить в Приазовье и дельте Дона 13 казачьих полков. Среди них, ранее упомянутые полки под командованием генерала Краснова и занявшие оборону в районе впадения правого рукава Дона — Мертвого Донца — в Таганрогский залив полки генерала Карпова: в Синявке — 73-й казачий полк, в Нижне-Гниловской станице — 79-й полк, а от Азова и до Ейска — 77-й полк.

Хомутов приложил максимум усилий и по возрождению Азовской военной флотилии под командованием капитана 2-го ранга Певцова, в распоряжение которого поступили 6 канонерских лодок и 16 баркасов, три береговые батареи (17 морских пушек-коронад и 4 полевых орудия) Казачий старшина Гнилозубов сформировал в Ростове команду из 300 человек, а подполковник Донецков — стрелковую команду численностью 850 человек. Кроме того, в станицах Александровской и Елизаветовской были набраны 300 казаков для баркасов капитана Певцова. В район Керченского пролива — на Таманский полуостров, под Анапу и Новороссийск — были направлены 72 и 75-й донские полки (в том числе и части расформированного 59 полка Яковлева). Был создан и резерв. На помощь Таганрогу послан учебный полк, замененный затем Новочеркасским 74 полком. Под Таганрог были также направлены 70-й и 76-й полки, а на Нижнем Дону расположились — в Багаевской — 80-й, в Раздорской — 69-й, в Манычской — 81-й и в Новочеркасске — 78-й полки. Численность казачьих войск, без двух полков, посланных в Черногорью, достигла 17 тыс. человек⁶.

Между тем, флот «покровителей магометан», как тогда называли англо-французских интервентов, бесчинствовал на

море и в прибрежной полосе. Совершенному разгрому подвергся Мариуполь, который горел несколько дней. 18 англо-французских кораблей бомбардировали Ейск и совершали пиратские набеги на прибрежные села Маргаритовку и Глафировку. Особую жестокость бои на Азовье приняли в июле — сентябре 1855 г. Пиратские нападения на Таганрог и Мариуполь совершались почти еженедельно. В различных местах побережья предпринимались неоднократные попытки морских десантов. Малейшие попытки русского судоходства пресекались постоянно крейсеровавшей в Азовском море англо-французской эскадрой. Особенной агрессивностью во время пиратских нападений отличались экипажи паровых фрегатов и канонерских лодок. Летом 1855 г. англичане предприняли очередную попытку высадить десант в районе Кривой косы под Таганрогом. Отряд, насчитывавший более 300 человек, был встречен казаками полка Кострюкова и разгромлен. Фрегат «Джаспер» сел на мель и был взят казаками на абордаж. В этих боях принимали участие Харитон Попов и Иван Иванович Крылов — отец будущего замечательного живописца Дона, получивший за храбрость Георгиевский крест и медаль. Впоследствии пушки с английского фрегата «Джаспер» были доставлены в Новочеркасск и многие годы экспонировались в Музее донского казачества. В августе 1855 г. Харитон Попов в очередном письме родителям писал: «. англичане не перестают нас тревожить. Теперь же пароходы (английские фрегаты — Л. Ш.) находятся у Кривой Косы и близ Мариуполя, местами нередко пытались высаживаться на берег, но удалые сыны Дона нигде их не допущают. ». Далее Х. Попов пишет: «. двух офицеров и одного матроса наши схватили в плен. Пленников этих 21 числа доставили сюда (в Таганрог — Л. Ш.) и они здесь ходят свободно. Они рассказывают, что их правительство приказало истребить все города и деревни по берегам Азовского моря, поэтому мы ожидаем к себе уже сильный флот, ибо трем парохолам (фрегатам) не придется победать (их утопили — Л. Ш.); у нас во всем строгость и все начеку. ». О случае с пленными, упоминаемом Х. Поповым в письме, один из современников отмечал, что английский офицер, «понимая, что взят не в честном бою, а пойман на зажигательстве, не надеялся на такой человеколюбивый прием»⁷.

В конце лета англичане предприняли еще одну попытку высадить десант под Мариуполем, у поселка Кирпичево. Ан-

глийская канонерская лодка «Врангель» под командованием капитана Бергайма начала высадку десанта, полагая, что русские в этом месте нет. Но донские казаки под руководством есаула Тарасова устроили засаду и весь десантировавшийся отряд был уничтожен, а сам капитан канонерки попал в плен⁸.

В сентябре англичане и французы предприняли еще несколько безуспешных попыток высадиться на северном и южном побережьях Таганрогского залива, но, потерпев неудачу, вынуждены были отказаться от них. Отказались они и от бомбардировок азовских портов, городов и сел. Последний корабль англо-французских интервентов-корсаров покинул Азовье 6 октября 1855 г. К тому времени турецкие армии потерпели поражение на Балканах и в Закавказье. Да и в Крыму объединенные силы союзников, несмотря на оставление русскими Севастополя после 349-дневной героической обороны, особых лавров не снискали. Не снискали воинской славы англо-французы и на Азовье, где мужественно дрались с захватчиками донские казаки. Однако ущерб экономике Дона они успели нанести весьма значительный. Только в Таганроге и его ближайших окрестностях было сожжено и разрушено 325 домов, заводов и других строений. По тем временам общий ущерб, нанесенный войной прибрежным районам Области Войска Донского, исчислялся огромной суммой более миллиона золотых рублей⁹.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 605, лл. 206—207
2. Из боевого прошлого русской армии. М., 1947, с. 214 сл.
3. Рапорт начальника штаба Войска Донского Главнокомандующему Русской Армии в Крыму 29 мая 1855 г. — ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 605, лл. 206—207.
4. См. ГАРО, ф. 55, д. 969. л. 41.
5. Рапорт начальника штаба Войска Донского Главнокомандующему Русской армии в Крыму от 29 мая 1855 г. — ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 22231, л. 5.
6. Рапорт начальника штаба Войска Донского Наказному атаману от 11 июня 1855 г. — ГАРО, ф. 344, оп. 1. д. 605, лл. 280—283.
7. ГАРО, ф. 55, д. 969, л. 17.
8. Журнал о движении и действии неприятельских судов в Азовском море. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5737, лл. 340—341.
9. Ведомость об ущербе, нанесенном Таганрогу во время обстрелов английским флотом в 1855 году — ГАРО, ф. 579, оп. 1, д. 116, л. 26.

Примечание: Указанные документы из ГАРО опубликованы в сборнике «Наш край». Документы по истории Донской области. XVIII — начало XX века. Ростиздат, 1963.

М. И. ПЛАТОВ И НОВОЧЕРКАССК

Последние годы жизни М. И. Платова неразрывно связаны с историей Новочеркасска. По его инициативе и при активном участии был основан новый административный центр Войска Донского. Войско и Петербургское правительство пошли на столь грандиозное и дорогостоящее строительство по многим причинам, указанным в докладе на Высочайшее имя об обстоятельствах переноса Черкасского городка на новое место. Городок Черкасск возник стихийно, строился хаотично, здания в большинстве своем были деревянные, что приводило к частым пожарам.

В 1744 г. случился грандиозный пожар, истребивший большую часть городка. Сгорели царские регалии и знамена, войсковой архив, пороховой погреб взорвался, сгорел войсковой арсенал и др. Этот страшный пожар перепугал войсковое правительство Данилы Ефремова. Оно издало строгий приказ, где указывалось жителям печи не топить, а станичным атаманам их опечатать. Пожарным «смотреть неустанно денно. ночью»,¹ варение яств во дворах не допускалось, печи предписывалось делать подальше от жилья.

Место для новой столицы выбирали долго. В Центральном военно-историческом архиве хранится план «Местоположения окружности города Старого Черкаска и устья Дона с показаниями мест избрания для построения города Нового Черкаска и других для того проблемным предметам предполагаемом месте»². На плане под литерой «А» указано место, избранное для Нового Черкаска — урочище Бирючий Кут по берегам рек Тузлова и Аксая. Там расположены маленькие хутора, Большая Мишкина балка, двор и сад ген.-лейтенанта, войскового атамана и кавалера Платова. Характеристика места не указана.

Под литерой «В» показано место для городка возле ст. Аксайской, забракованное по причине узкого места, худой воды и близко расположенных селений — крепости Св. Дмитрия Ростовского и Нахичевани. Под «О» указана местность Красный Яр (Сухая Кадамовка), также отвергнутая из-за удаленности водных коммуникаций. Под «Д» — ст. Кривянская и Заплавская, каковые места не понравились из-за удаленности от Дона, худой воды и нездорового воздуха.

Под «Е» — указано место на левом берегу Дона, забракованное из-за наводнений, худой воды и удаленности Дона.

Остановились на местечке Бирючий Кут, на горе, омываемой несудоходными речками Тузлов и Аксай. Составитель плана из донских обер-офицеров от себя на плане приписал: «решающую причину в выборе места сыграла близость расположения родового имения М. И. Платова — хут. Малого Мишкина» (в 5 км от выбранного места). Город заложили, построили основные казенные здания для учреждений Войска и в 1806 г. торжественно в них вселились.

М. И. Платов для своей семьи выбрал в новом городе несколько подворий. Одно из них располагалось на углу современных пр. Платова и пл. Ермака. Начавшиеся вскоре войны России с Турцией и Францией помешали семье Платовых заняться строительством. Возведенные фундаменты остались недостроенными. После смерти атамана это место было уступлено его наследниками для строительства здания мужской гимназии. Но в 1816 г. в городе побывал Император Александр I и выразил недовольство тем, что в городе нет Дворянского клуба³.

Войсковой атаман А. К. Денисов загорелся желанием устранить этот пробел и построить дом для дворян, для чего решил собрать нужную сумму с каждой ревизской крепостной души по 1 руб. К 1861 г. собрали 15321 руб., и только к 1832 г. — 48194 руб. 36 коп., что позволило проектировать здание. Местом для строительства избрали бывшее подворье Платова, отданное мужской гимназии, а гимназию поместили в Войсковую канцелярию, что на углу Атаманской (ул. Советская) и пр. Платова. Позднее это историческое здание сломали и в 1904 г. построили здание Судебной палаты (ныне здание театра).

В 1848 — 1850 гг. дом для дворян был построен. Одним из архитекторов-проектировщиков мог быть войсковой архитектор Кампиони. Дворянское собрание стало одним из очагов культуры города, во дворе здания еще раньше был построен деревянный флигель, где помещался театр.

В Дворянском собрании бывали наследники престола, Великие князья, проездом на Кавказ поэт М. Лермонтов останавливался в Новочеркасске и часто посещал театр.

Будучи в Западной Европе, М. И. Платов не забывал о благе Войска Донского. В Дрездене он получил Манифест,

содержания, тождественного ранее жалованным Войску Грамотам. Еще раньше М. И. Платов писал П. М. Волконскому, начальнику канцелярии Александра I, где просил подтвердить все права и привилегии, дарованные Екатериной II 27 мая 1793 г., Павлом I 6 августа 1801 г. и Александром I 20 августа 1811 г. По окончании боевых походов М. И. Платов возвращался на Дон. По пути заехал в Санкт-Петербург за наградами: Жалованной грамотой и Георгиевским знаменем, после чего, по указанию Императора, уехал на Дон.

1816 г. сентября 28 числа в 3 часа и 11 минут пополудни Матвей Иванович, сопровождаемый генералитетом, штаб-офицерами и несчетным числом народа, прибыл в Новочеркасск к Соборной церкви. У собора его встречали протоиерей Мерхлевский с братией в царских ризах. У входа в собор было посыпано песком и устлано коврами. Граф вышел из коляски на ковер, положил три земных поклона, приложился к Животворящему кресту. После молебна возложил на икону Божьей матери Одигитрии орден Св. Анны второй степени, осыпанный бриллиантами, и со слезами сказал: «Сей орден дар покойного сына Матвея Матвеевича, умершего в 1813 г.». Потом поехал к Войсковому атаману Н. В. Иловайскому, а к вечеру отправился в свой Мишкинский загородный двор⁴.

Георгиевское знамя и Жалованная грамота за подвиги Войска в 1812 г., за которыми М. И. Платов заезжал в Санкт-Петербург, пришли на Дон после его смерти, 28 января 1818 г. Знамя освящалось в Войсковом соборе. Местный любитель истории Рубашкин дотошно описал это событие. Он писал, что Георгиевское знамя за подвиги 1805 — 1807 гг. обошлось в 1857 руб., а знамя за 1811 г. стоило 2703 руб. 40 коп., причем уплачено за изготовление 2000 руб., за пару серебряных кистей на Георгиевской ленте — 13 руб., за золотую бахрому 6 и 1/2 аршин (26 м) — 525 руб. 50 коп., за 200 гвоздиков серебряно-вызолоченных — 15 руб. 50 коп., живописцу — 30 руб., за упаковку — 12 руб. 90 коп. Грамота при знамени переплетена в бархат и вложена в серебряный ковчег⁵.

Вскоре после возвращения из заграничных походов, 1 февраля 1817 г. М. И. Платов, находясь в Старочеркасске, посватал своего сына (род. 1795 г.) подполковника и кавалера Ивана Матвеевича к внучке знаменитой Меланьи Карповны и войскового атамана С. Д. Ефремова — девице Анне

Степановне. Согласие было получено, брак совершился 9 мая. Новобрачные прибыли из Большелогоцкого двора во всем великолепии: их сопровождало множество карет и эскорт атаманского полка с копыеносцами. Свадебный кортеж прибыл к Соборной церкви Нового Черкаска, где его ожидал сам атаман, таганрогский градоначальник Попков, множество генералов, штаб- и обер-офицеров, несчетное число народа. Совершали брак два протоиерея, два священника и три дьякона. Как возложили венцы, граф заплакал и вышел из церкви. Торжество свадьбы совершалось в доме ген.-лейтенанта Курнакова. Встречал гостей сам атаман хлебом-солью, а с балкона молодых и народ осыпали серебром. Вечером гости любовались своеобразной иллюминацией по всему периметру площади, где горели сотни дегтярных бочек.

Дом генерала Курнакова был лучшим в Новочеркасске. Он располагался на углу Атаманской (ныне Советской) и Александровской (ныне Декабристов) улиц. В этом доме в 1816 г. останавливался Александр I, там давались танцы и балы. Позже дом перешел во владение торгового казака, войскового старшины Шейкина, которому принадлежал дом на углу Московской и Комитеской ул. (ныне библиотека им. А. С. Пушкина). Он имел еще собственный дом на Александровской улице. В 70-х гг. XIX в. дом Курнакова перестроили под гостиницу «Европейская»⁶.

После женитьбы Иван Матвеевич и Анна Степановна проживали в собственном доме на углу Московской и Ратной (Красноармейской) улиц. Граф был добрым человеком. Он ежегодно раздавал по 50 строевых лошадей для недостаточных казаков. Землю — 18 тыс. десятин в Таганрогском округе — он сдавал в аренду. Наследственный дом деда — Ивана Федоровича в хут. Малый Мишкин он подарил Донской епархии; он так и остался известен под именем Архиерейской дачи. Иван Матвеевич умер в 1874 г., графиня Анна Степановна пережила его и скончалась в 80-х гг. Дом графини по ул. Московской, 12 хотела приобрести Донская епархия для духовного училища, но из-за малого участка земли отказалась от этого.⁷ В 80-х гг. подворье приобрел торговый казак Ф. Д. Шапошников, а после 1920 г. там размещалось общежитие студентов НПИ⁷.

3 января 1818 г. в полдень Матвей Иванович скончался в Слободе Еланчинской. 8 января тело покойного было привезено в Мишкинский загородный двор, где его встречало

духовенство и генералитет. Гроб с телом препроводили в дом и установили на возвышении, задрапированном черным сукном, в помещении горели 12 подсвечников. Погребение состоялось 12 января в родовом склепе при Новочеркасском каменном соборе с величественной духовной и мирской церемониями⁸. На месте захоронения стараниями сына — Ивана Матвеевича — был установлен прекрасный памятник работы П. Клодта. В 1853 г. по инициативе атамана М. Г. Хомутова в городе был сооружен монумент М. И. Платову⁹.

Родственников М. И. Платова сильно встревожили начавшиеся в середине XIX в. проекты разборки собора и устройства на его месте городского парка. По инициативе сына решено было перенести тело графа в Мишкинскую родовую усыпальницу, что и было сделано в 1875 г.¹⁰. Но и это погребение не было окончательным. В 1911 г. в октябре прах перезахоронили в усыпальницу только что отстроенного Войскового собора. Погребение было нарушено при закрытии собора в конце 20-х гг. В 1993 г. состоялось четвертое перезахоронение останков М. И. Платова.

Необходимо вспомнить дату рождения М. И. Платова. В многочисленной литературе, в газетных статьях по этому вопросу разноречиво. Местный историк И. Сулин нашел метрику М. И. Платова со следующим текстом: «За 1753 год Петропавловской церкви, Дурновской и Прибылянской станиц под № 22 о родившихся: 8 августа родился казак Ивана Платова сын Матвей». Эти сведения сохранились в архиве Новочеркасской консистории¹¹.

Через один дом от Дворянского собрания, если идти от собора к центру города, находится двухэтажный кирпичный дом. Это подворье с недостроенным домом принадлежало М. И. Платову. В центре двора находился курган, на вершине которого была устроена беседка. Потом особняк перешел во владение штаб-ротмистра Турчанинова, но и он его не достроил. В 1866 г. Войсковое правительство приобрело подворье, решив достроить дом и разместить там казенные учреждения. На это было отпущено 27182 руб., но дело тянулось еще 5 лет, и только в 1871 г. дом достроили и разместили в нем войсковой штаб¹². В советское время там размещался дивизионный батальон связи, а сейчас — гарнизонная прокуратура. В 1973 г. рядом с домом возводили казарму и при рытье котлована обнаружили захоронение сармат-

ского времени. Золотые вещи из него экспонируются в музее¹³. Возможно, это погребение из того кургана, на котором стояла платовская беседка.

Внучка графа М. И. Платова — Марфа Ивановна, впоследствии вышедшая замуж за барона Врангеля, первым браком сочеталась с кн. Дмитрием Григорьевичем Голицыным. Супруги жили в наследственном платовском 2-этажном каменном доме. Стараниями князя в хут. Малый Мишкин была устроена родовая усыпальница Платовых. Дмитрий Григорьевич слыл за веселого человека, поэта и карикатуриста. В доме у него часто собирались поиграть в карты. Играя, он за несколько минут сочинял стихи или рисовал карикатуры на присутствующих. Целая тетрадь заполнилась этими стихами и шаржами, позднее, к сожалению, навсегда вывезенными из Новочеркасска.

Подворье князя располагалось на Платовском проспекте, через дом от военной комендатуры, если идти от центра к собору. В 80-х гг. прошлого века этот дом приобрел академик Логин Христианович Фрике, а его сын, врач Логин Логинович, открыл в доме аптеку и частную практику¹⁴. Подворье Фрике было обширным. В конце XIX в. там размещался клуб туристов, а с апреля 1907 г. — городской общедоступный летний клуб, в котором устроили театр с площадкой для оркестра, бильярд, лото, кегельбан, павильон для кумыса и кефира — модных тогда напитков. В клубе проводились семейные вечера, играл оркестр. В клубе часто пел С. В. Власов, солист Большого театра, донской казак. Вскоре там выстроили музыкальную раковину для оркестра, по акустическим показателям одну из лучших в России. Зимой в клубе устраивали скейтинг-ринг, по русски — каток, для катания на коньках¹⁵. Сейчас в здании жилые помещения и общежитие ветеринарного техникума.

Александр Гаврилович Реми, швейцарец на русской службе, в 1835 г. был переведен ротмистром 1-го Гусарского полка, которым командовал генерал-адъютант М. Г. Хомутов. В 1839 г. М. Г. Хомутов переводится начальником штаба Войска Донского, а в следующем году штабным офицером Войска назначается А. Г. Реми. Назначение, видимо, произошло по ходатайству М. Г. Хомутова. На Дону Александр Гаврилович женился на дочери Д. Леонова и графини Платовой — Марии Дмитриевне, дослужился до чина генерала и вышел в отставку. Огромное имение Леоновых в

24000 десятин после смерти родителей было поделено между сестрами — Марией Дмитриевной и Екатериной Дмитриевной. А. Г. Реми и графиня Платова (Леонова) жили счастливо, и имели трех сыновей и пять дочерей. Сам А. Г. Реми в 70-х гг. погиб при железнодорожной катастрофе, возвращаясь в свою слободу Степановку. Владения Марии Дмитриевны были расположены в Таганрогском округе при пос. Ремовке, слободе Дмитриевке и Коровьем Броде, всего 9824 десятины, которые и были заложены в Новочеркасском банке взаимного кредита за 184500 руб.¹⁶.

С именем М. И. Платова связаны и некоторые памятники прикладного искусства, изготовленные для Новочеркасска.

Известно, что 10 полков Дона в 1812 г. отбили у французов серебра более 30 пудов. Часть его сдали в Главную квартиру, а часть, по распоряжению М. И. Платова, отправили на Дон. Отправлялось серебро дважды, опечатанное личной печатью атамана. Всего казначею Войска было сдано под расписку 19 пудов 33 фунта и 48 золотников. Из этого серебра 10 пудов отправлено в Москву Донскому монастырю, а из оставшегося с 1814 по 1827 гг. были изготовлены памятные вещи. По личному распоряжению М. И. Платова в Париже исполнены французскими мастерами: потир с блюдом и надписью: «Приношение в Александровский собор Новочеркасска от графа Платова. Вступление Россиян в Париж 1814 года 19 дня»; вес потира с блюдом составлял 1 пуд 2 фунта 17 1/2 золотников; дарохранильница для Кафедрального собора, состоявшая из 4 отдельных галерей с куполами и 13 фигурами людей и креста с бриллиантами. Вес дарохранильницы 2 пуда 28 фунтов и 21 золотник, ценою 17531 руб. Позже изготовлены: ковчег для хранения Высочайших грамот, весом 2 пуда 28 фунтов, дарохранильница в Кафедральный собор весом 3 пуда 8 фунтов и ковчег-ларец для Высочайше пожалованной Донскому Войску сабли Александра I, на который отпущено серебра 1 пуд 19 фунтов 28 золотников¹⁷. К сожалению, все эти вещи безвозвратно потеряны, кроме ларца для сабли, экспонируемого в Музее истории донского казачества.

В заключение отметим, что здания, связанные с именем М. И. Платова, старейшие в городе. Они являются памятниками истории и архитектуры города и необходимо принять меры к их сохранению.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Казачий вестник», 1855, № 86, с. 2 сл.
2. ЦГВИА, ф. 418, ед. хр. 729.
3. Н. К. Шильде. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. IV, СПб., 1905, с. 108.
4. «Казачий вестник», 1883, № 23.
5. Там же, 1883, №№ 46—47.
6. ДОВ, 1902, № 1; Там же, 1871, № 34; 1904, № 194; Б. В. Краснов. Справочная книжка по Новочеркасску. Новочеркасск, 1896, обложка.
7. ДОВ, 1902, № 156; «Казачий вестник», 1883, № 29.
8. «Казачий вестник», 1883, № 23.
9. ДОВ, 1903, № 4.
10. «Русский архив», 1877, № 5, с. 109 сл.
11. ДОВ, 1902, № 1.
12. Б. В. Краснов Ук. соч., с. 201; ЦГВИА, ф. 230, оп. 14, е. х. 459, 1871 г.
13. Музей истории донского казачества. Каталог археологических коллекций (сост. Б. А. Раев). Новочеркасск, 1979 г.
14. ДОВ, 1903, № 4; Памятная книжка Войска Донского за 1893—94 гг., с. 115; Б. В. Краснов. Ук. соч., с. 201.
15. «Донская жизнь», 1906, №№ 120, 138, 191; 1907, №№ 93, 155.
16. ДОВ, 1878, № 36; «Родимый край», 1865, № 38; А. М. Совеков. Дворянские роды, вып. 1. М., 1902, с. 124.
17. А. А. Кириллов. Донская церковная старина, Сб. IV, Новочеркасск, 1915, с. 80 сл.

А. Л. БОЙКО

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДРЕВНОСТИ АЗОВА В ХРАМАХ СТОЛИЦ ВОЙСКА ДОНСКОГО

В поле зрения большинства исследователей, занимавшихся проблемами истории Нижнего Дона первой половины XVII в., по сей день находится традиционный набор тем, связанных с военно-политическими событиями и социальной организацией казачества. Вопросы же, связанные с духовной культурой населения Дона в рассматриваемый период, редко попадают в поле зрения специалистов. История распространения православия в Приазовье, судьбы первых церквей и православных святынь во многом остаются загадкой. Изучение донской церковной старины, начавшееся в середине прошлого века, было прервано длительным периодом «государственного атеизма», начавшимся сразу после становления на Дону советской власти. В этот период были уничтожены не только храмы и монастыри, но и традиции изучения па-

мятников церковной старины, являвшейся до революции одной из важнейших задач археологии — науки, изучающей материальные памятники бытовой и духовной культуры.

В дореволюционной и современной историографии бытует мнение о том, что Азов является одной из древних цитаделей православия на Дону. Все без исключения историки, писатели и публицисты указывают на существование в городе православного храма до захвата его казаками в 1637 г. Часто упоминаются иконы Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца, являющиеся его главными святынями. Однако их судьба ни разу не становилась темой отдельного исторического исследования. Отсутствие научно-обоснованной информации позволяет некоторым современным историкам вести историю православия на Дону даже не от Кирилла и Мефодия, а от легендарных отцов церкви III—IV вв., и даже апостолов. Одним из родоначальников этого «сказочного» направления можно назвать Е. П. Савельева. Доказательством древности Азова он считал «образ Иоанна Предтечи, писанный, судя по сделанной на нем греческой надписи, в 637 г.»¹. В более поздней работе Е. П. Савельев упоминает, что в Азове случайными раскопками найдены: «Икона знамения божией матери, начертанная на 5-ти вершковой раковине и икона Иоанна Предтечи византийского письма VI в.»². Создатели «Казачьего словаря-справочника» предложили еще более древнюю датировку православных древностей Азова. Учитывая созвучие названий итальянской Таны XIV—XV вв. и города эпохи античности и раннего средневековья Томи, который действительно был центром распространения христианства в Северо-Западном Причерноморье, сделан вывод, что: «... соборные церкви в Тане должны были существовать и раньше (637 г. — времени создания образа Иоанна Предтечи — А.Б.), т. к. митрополиты и епископы Томи и Таны известны уже с половины IV века (Ульфила ок. 350 г., Геронтий — 385 г.)»³. Причем, деятельность Ульфила, проповедовавшего среди вестготов арианство, достаточно хорошо изучена, чтобы не соотносить ее с Нижним Доном⁴. Говоря же об образе Иоанна Предтечи, составители «Казачьего словаря-справочника» отсылают читателя к мнению автора XVIII в., создателя «Истории о донских казаках», генерал-майора А. И. Ригельмана. Причем, по их мнению «А. И. Ригельман... считает, что в 637 г. в Тане уже была христианская церковь»⁵, или «Ген. А. И. Ригельман около середины 18 ст. обнаружил в его храмах (города Азова — А. Б.)

иконы, писанные в 637 г.»⁶. Действительно, повествуя о деятельности казаков в отбитом от турок в 1637 г. Азове, он писал: «Они возобновили в нем бывшую церковь во имя Иоанна Предтечи Греческого Православия, которая сооружена была и образ в ней писан был еще от 637 лета, потом и другую, во имя Николая Чудотворца»⁷. Возникает закономерный вопрос — насколько достоверна информация А. И. Ригельмана и какими он мог пользоваться источниками?

Во второй половине XVIII в. впервые издаются многие памятники русской литературы XVII в. В состав изданной князем М. М. Щербатовым в 1771 г. «Летописи о многих мятежах» входило сочинение «О граде Азове, како взят», ставшее впоследствии именоваться «Исторической» повестью об азовском взятии. Настоящее же ее название — «Повесть и храбрость и мужество атаманов и казаков Донского войска о граде Азове и о приходе атаманов и казаков Велико-го Донского войска и о взятии его». Это произведение и стало одним из источников для А. И. Ригельмана. Именно из него были почерпнуты сведения о некоторых древних страницах истории Нижнего Дона, деятельности казачества и о взятии Азова в 1637 г. Говоря об этом городе как о турецкой крепости (которую А. И. Ригельман впервые упоминает в контексте событий 1569 г. — истории похода турецких войск на Астрахань) автор обмолвился и о древней ее истории: «Россия, хотя из давних лет имела право город Азов отобрать, но по беспокойству, принуждена была затем оставить туркам спокойное владение над Азовом»⁸. Это полностью соответствует представлениям неизвестного нам автора «Исторической» повести. Начало ее должно полностью убедить читателя в обоснованности претензий донского казачества на город Азов. Возникновение города по его мнению относится к середине I в. н. э. — времени проповеди христианства апостолом Павлом, «апостолом язычников»: «Сей убо быше град Азов, поставлен бе от истинныя православныя христианския веры от греческого языка в прежние лета от древних родов при апостоле Павле»⁹. Но за «великое пред Господом Богом» согрешение христианская вера «разорена и поплена до основания» — пали столпы православия Царьград и Иерусалим, а в Азове поселились «поганские люди». Это свидетельствует о том, что турки — «агарянское исчадие», владеют истинно христианским городом сравнительно недавно, относительно всей истории существования Азова.

Необходимо отметить, то автор «Исторической» повести был основательно знаком с древнерусской исторической традицией. Это заметно прежде всего из вышеприведенного отрывка, упоминающего апостола Павла. В «Повести временных лет» содержится под 6406 (898) г. упоминание о проповеди христианства славянам: «В Моравы бо ходил и апостол Павел и учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое. Тем же и словенску языку учитель есть Павел, понеже учил язык словенск и поставил есть епископа и наместника по себе Андроника словенску языку. А словеньский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене»¹⁰. Относительно этого фрагмента летописи у специалистов существует определенные разногласия; так, Б. А. Рыбаков считает, что он принадлежит перу Нестора¹¹, а О. М. Рапов связывал появление этого отрывка с редакцией «Повести временных лет» Мстиславом Великим¹². В любом случае можно заметить некоторое противопоставление «Исторической» повести московским религиозным доктринам XVII в., считавшим крестителем Русской земли апостола Андрея Первозванного, либо вообще отрицавших присутствие апостолов на территории будущего российского государства. Таким образом, Азов возникает как православный город гораздо раньше Киева — «матери городов русских», в то время, когда Андрей Первозванный лишь устраивает крест на днепровских горах. Исходя из этого «Преднаписания о граде Азове» (вступительная часть «Исторической» повести), должно символизировать древность Азова как города издревле христианского, лишь волею случая ставшего источником османской агрессии в Приазовье. Донское казачество, из среды которого вышел автор «Исторической» повести, непосредственно граничившее с «поганскими людьми», видело во взятии Азова не только определенный военно-политический смысл, но прежде всего акт борьбы с враждебным вероисповеданием. Там более, небольшая колония греков-христиан, издавна проживавших в турецком городе, действительно терпела религиозные притеснения от мусульман¹³.

Все списки «Исторической» повести, как и взятый за основу список С 9, рисуют картину жизни османского Азова достаточно достоверно. Это подтверждается текстом войсковой отписки об азовском взятии 1637 г.: «Да в нижнем, государь, городе, престол Божий и церковь стоит и до ныне святого пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна,

около того храма жили греки, и поганые азовские люди около того храму ограду разорили и церкви Божией поругались, а служить, государь, у тое церкви греческий поп черный, а за тебя, праведного государя, Бога молит, а прислан он от царяградского патриарха, и церковь мы, холопы твои, и образы Божии, без твоего, государского, повеления и без патриаршего благославления, построить не смеем, иконописцев, государь, и мастеров и церковного сооружения нету; а некоторые, государь, и иные церкви Божии были, и азовцы в них поделали мечети, и в них впредь достоин ли, государь, служить и церквам Божьим быти, а во всем том воля Божия буди и твоя государская»¹⁴. Имеющееся в приведенном отрывке текста точное указание на местонахождение церкви Иоанна Предтечи — «в нижнем городе», позволяет локализовать ее на исторической карте Азова.

Известно, что турецкая крепость состояла из нескольких частей, носивших различные наименования: Френк-хиссар (Тана, Венедик-кале, Азов), Орта хиссар (Дженевиз-кале, Ташкалов, Каменный город) и Топрак-кале (Земляной город)¹⁵. Причем, наименования частей города, как у турок, так и у казаков, в течение длительного времени оставались неизменными. Указание на существование престола Иоанна Предтечи в «нижнем городе», который, вне сомнений, тождественен турецкому Топрак-кале, находит подтверждение в «Книге путешествий» Эвлии Челеби. При описании крепости турецкий путешественник в «Разделе о Топрак-кале» отметил: «Там же расположен длинный квартал кяфиров-греков и находится одна их церковь»¹⁶. Это описание относится к зиме 1667 г., когда прошло уже более четверти века с времени битвы за Азов. Вероятно, после оставления крепости казаками и занятия турками в 1642 г., в нее вернулись и греки-христиане, предусмотрительно покинувшие ее перед осадой. При реконструкции Азова они заняли в крепости то же место, которое им было ранее отведено турецкой администрацией. Следуя этому, можно предположить, что Предтеченская церковь, разрушенная во время «осадного сидения», была восстановлена на прежнем, уже освященном месте. Следовательно, престол Иоанна Предтечи 1637—1641 гг. и греческая церковь, виденная Эвлией Челеби в 1667 г., — разные постройки, существовавшие на одном и том же месте.

В ответ на войсковую отписку о взятии Азова, в которой была просьба прислать мастеров-каменщиков и иконописцев, 22 апреля 1638 г. из Москвы на Дон была послана царская

грамота. В ней говорилось о посылке в Азов требуемых церковных книг уже для двух церквей: «Да атаман же Михайло Татарин со товарищи били нам челом, чтоб пожаловати, велети к вам послати к двум церквам к Иоанну Предтече да к Николе Чудотворцу книг, почему б было в тех церквах пети, а сколько книг надобно, и они тому дали роспись, какова с ними от вас послана»¹⁷. Следовательно, за короткий промежуток времени от дня захвата крепости казаками — 18 июня 1637 г. и отправлением войсковой отписки об этом событии до посылки царской грамоты в Азове появилась еще одна церковь — церковь Николы Чудотворца. Для определения ее положения на исторической карте Азова важно упоминание в войсковой отписке «церквей Божих», в которых турки «поделали мечети». В написанной есаулом Донского войска Федором Порошиным «Поэтической» повести об азовском осадном сидении мы находим подтверждение этих сведений: «Государь свет, помощник наш, предтеча Христов Иоанн! По твоему, светову соизволению разорили мы гнездо змиево, — взяли Азов град, — побили мы в нем всех христианских мучителей и идолослужителей. И твой светов дом, Никола Чудотворец, очистили, и украсили ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рук»¹⁸. Под словом «очистили» следует понимать цикл культовых процедур, совершаемых по переосвященной древнего христианского храма, в котором определенное время велись мусульманские службы. Возникает вопрос — какое сооружение, бывшее до определенного времени христианской церковью, могли приспособить казаки под «престол Николы Чудотворца»?

Сегодня известна лишь одна культовая постройка предшественницы турецкого Азова — итальянской Таны XV в. Это исследованная археологически Гостевая церковь — мечеть Баязида Вели¹⁹. Она полностью подходит под наше определение, учитывая, что это одна из немногих построек, уцелевших после турецкой осады 1641 г. В «Поэтической» повести об азовском осадном сидении так говорится об этих днях: «Одна лише у нас во всем Азове городе церковь Николы Чудотворца в полы осталась»²⁰. Указание на местоположение церкви — «в полы», т. е. внизу, полностью соответствует положению Гостевой церкви — мечети Баязида Вели, расположенной у подножия надпойменной террасы. Именно там, на территории Френк-хиссара, самой древней части азовской крепости, видел Эвлия Челеби «старинную, древнего вида, крытую землей мечеть»²¹. Это было, в 1667 г., когда в древ-

ней церкви вновь была устроена мечеть, которая существовала до взятия Азова русскими войсками под руководством Петра Великого. Как «разбитый» двор она отмечена на планах крепости, созданных перед уничтожением сооружений Азова, исходя из условий Белградского мирного договора 1739 г.

Трагичной оказалась и судьба церкви Иоанна Предтечи, в «Поэтической» повести об азовском осадном сидении говорится, что она была разрушена турецкой артиллерией. Но распросные речи участника обороны Азова астраханского стрельца Куземки Федорова свидетельствуют о другом: « турские же люди при нем, Куземке, с первого приходу взяли Топраков город (Топрак-кале — А.Б.) и у церкви Ивана Предтечи поставили восемь знамен. И у казаков де был в тот Топраков город подкоп, и в подкопе стояло зелье. И как де в тот Топраков город пришли турецкие люди, и казаки, запая в подкопе зелье, и турецких людей тем подкопом побили тысячи с три и больше. »²². Т. е. церковь была уничтожена не турками, а казачьей миной. Любопытно умолчание о судьбе церквей посланных в Азов стольника Афанасия Желябужского и подъячего Арефы Башмакова, отбывших из Москвы на Дон 2 декабря 1641 г. Прямой задачей царских послов было осмотреть азовские строения, прежде всего фортификационные, и составить отчет о возможности восстановления крепости. В нем какие-либо культовые постройки не упоминались, хотя церковь Николая Чудотворца уцелела и должна была бы попасть в это описание. О том, почему это произошло, нам остается лишь догадываться.

Из всех свидетельств об Азове наиболее спорны данные позднейшей из повестей об Азове — «Сказочной». Написанная в последней четверти XVII в., повесть недаром получила у специалистов такое наименование. За несколько десятков лет, прошедших от времени битвы за Азов, многие события стерлись из памяти потомков, а некоторые реальные факты приобрели легендарную окраску. Так, после взятия Азова хитростью (что не соответствует действительности) казаки: « взяша святые иконы и обложиша церковь во имя Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца И создаша церковь деревянную и послаша казаки, трех человек в Астрахань ко епископу Макарию с листом, да даст на освящение церкви он, Макарий, антими́с. Он же антими́с даде и послал белово попа и диакона, да освятят церковь, и грамоту даде

им, да живут тамо в Азове. И пришли посланные с ними поп и диакон, и освятиша церковь»²³. Привлекает внимание факт отсутствия в «Сказочной» повести данных о каких-либо христианских храмах, существовавших до взятия казаками Азова. Построенная же казаками деревянная церковь* посвящена не конкретному святому, а сразу обоим небесным покровителям города. Причем, материал постройки церкви — дерево — сразу настраивает читателя на некоторую ее запрограммированную «недолговечность». Все эти данные прямо противоречат предыдущим повестям — «Исторической» и «Поэтической», а также материалам переписки казаков с Москвой. Но в «Сказочной» повести появляется новый, очень интересный момент: за благославлением на освящение церкви и антимисом казаки направляются не в Москву к царю и патриарху, а к митрополиту Астраханской епархии. Именно в его духовном ведении находилось Войско Донское к моменту написания «Сказочной» повести. Таким образом, автор несколько искажает известные исторические события 1637 — 1641 гг. и вводит в круг действия персонажей более позднего времени и реалии взаимоотношений казачества с духовными властями конца XVII в.

Кроме упоминавшихся повестей об Азове существуют еще две: «Документальная» и «Особая». «Документальная» повесть представляет собой сведенные воедино войсковые отписки об азовских событиях 1637 — 1638 гг. Огромный интерес представляет «Особая» повесть, охватывающая события 1637 — 1640 гг. Первая часть повести посвящена описанию чудес, происходивших в храмах Азова, и видений некоторым жителям города, название ее — «Повесть о чудесах божиих святого пророка и Предтечи Иоанна и прочих святых». Кроме главной святыни города Азова — образа Иоанна Предтечи — упоминаются образа Пречистой Богородицы, Василия Кесарийского, Алексея человека божьего, Максима Московского и Николы Чудотворца.

30 апреля 1642 г. на Дон была отправлена царская грамота, в которой казакам предписывалось покинуть разрушенную крепость. Из отписки валуйского воеводы Павла Леонтьева от 31 мая известно, что «казаки, которые жили в Азо-

* Изображение этой церкви имеется в живописной композиции «Азовское сидение в 1641 г.» из интерьера Новочеркасского Вознесенского собора. В филиале Азовского краеведческого музея «Пороховой погреб» находится ее копия, выполненная художником П. С. Келлером.

ве, вышли вон с женами и детьми и образы и наряд вывезли и учили де жить на острове, ниже Монастырского яру»²⁴. Так закончилась легендарная эпопея, но не история православных древностей Азова.

Покидая город, казаки вывезли из него иконы, богослужебные книги и всю церковную утварь. В повестях XVII в. об азовских событиях говорится о нескольких чудотворных образах, помогавших казакам выдержать тяжелую осаду. Самый ценный и почитаемый был образ Иоанна Предтечи византийского письма XVI в. (1529 г.). Церковная утварь и богослужебные книги в большинстве своем присылались из Москвы и тщательно фиксировались в войсковых отписках и царских грамотах. Первый набор книг поступил в Азов из Москвы вместе с возвращающейся из столицы легкой станицей М. Татарина, которая сообщила царю Михаилу Федоровичу о взятии крепости. Перечень книг, посланных в 1638 г., весьма внушителен: «Роспись книгам, что послано к двум церквам: к Иоанну Предтечи да к Николе Чудотворцу, с Донскими казаками, с атаманом с войсковым с Михайлом Татариним с товарищи: Евангелие толковое. 2 Устава. 2 Триоди: постная и цветная. Апостол. Служебник. Потребник. Минейя — август месяц. 2 Минейя общия. 4 Трефалоя — с сентября месяца по март месяц. Соборник. Стихараль. А всего 17 книг»²⁵.

Кроме книг, с атаманом Тимофеем Яковлевым в 1639 г. были посланы «2 Трефалоя с марта, с 1-го числа, сентября по 1-е число»²⁶. Однако, нехватка богослужебных книг продолжала ощущаться в Азове достаточно остро. Поэтому, непосредственно перед турецкой осадой, бывшая в Москве станица Наума Васильева подала царю челобитную с просьбой прислать в азовские храмы недостающие книги и необходимые для православных таинств миро, масло и антимиис. Испрашивались «два прелога, да два златоуста, да оправиле святых отец седми соборов: да минейя месечных печатных»²⁷. Но большинство перечисленных книг отсутствовало в приказе Большого Дворца, поэтому царская резолюция гласила: «послать устав новой большой а пролог и златоуст, будет можно добыть, и то купя, послати же; а минейя месечных нету: посланы к ним минейя общия да трефалои, а в трефалоях писано тож, что в минейях месечных»²⁸.

Сложнее всего было решить вопрос о доставке в Азов запасных святых даров, т. к. мирские люди перевозить их

права не имели. Казакам пришлось спешно искать духовное лицо, которое взялось бы отвезти их на Дон. Безместный поп Яков Сидоров взял на себя эту миссию, для чего ему была выдана телега и царское жалование в 20 рублей. Он же повез и «псалтырь со следованием, да книгу каннунник, да житие Николы Чудотворца, да ладону, да ведро вина церковного. в готовом сосуде»²⁹. В московской соборной церкви Успения Пречистые Богородицы у ключаря Ивана Наседки были куплены миро, масло и антимис. Из Разряда для их перевозки были взяты дароносица, жестяные сосуды для масла и миро, фунт ладана, воск, дарник и гвоздья (?). Расходы в сумме 11 рублей 2 деньги были взяты на баланс Посольским приказом³⁰. Однако Якову Сидорову не суждено было добраться до Азова: услышав, добравшись до Валук, о начале турецкой осады, казаки, сопровождавшие его, покинули. Об этом сообщил в Москву валуйский воевода, который нашел духовное лицо в съезжей избе без копейки денег и каких-либо документов, удостоверяющих его полномочия. Книги же и церковную утварь казаки захватили с собой, пробиваясь в осажденный город. Что им и удалось; атаман же Наум Васильев, руководивший посланной в Москву легкой станицей, по возвращению в Азов стал одним из организаторов его обороны.

Следовательно, при оставлении крепости в 1642 г. из ес храмов было вывезено (кроме икон и церковной утвари) не менее 23 богослужебных книг. Переведенная в Монастырский городок казачья столица и азовские храмы* существовали недолго и пострадали от внезапного вражеского набега: « в 151 (1643) году, как грех учинился над нами, холопами твоими, на Монастырском островку от турецких людей приходу и в то, Государь, время твоего Царского Величества знамя, каково к нам, холопам твоим, на Дон в прошлых летах прислано, в часовне с образами сгорело. »³². Действительно, у храмов самым страшным врагом был огонь. Главный храм новой столицы казачества — Старочеркаска —

* По мнению академика И. А. Гильденштедта «Монастырский городок прозван по греческому Иоанно-Предтеченскому монастырю, перенесенному сюда из Азова»³¹. Так как городок под названием Монастырский упоминается с 1593 г., ясно, что события времени Осадного сидения не могли повлиять на его наименование. Следовательно, И. А. Гильденштедт пробовал дать рациональное объяснение названию городка, исходя из известных фактов — событий 1642 г. или вывода из Азова Предтеченского монастыря в 1711 г.

Воскресенский войсковой собор, куда должны были попасть уцелевшие азовские реликвии, выгорал дотла несколько раз: в 1670, 1687, 1748 гг. В пламени погибали иконы, церковная утварь, грамоты и войсковые регалии, которые по традиции хранились в ризнице или украшали интерьер храма. Где же искать азовские древности?

В 1852 г. в ДВВ было опубликовано описание Воскресенского собора, в котором среди «достопримечательных вещей», в нем находящихся, было упомянуто паникадило, по преданию происходящее из Азова. Само паникадило было: «. . .огромное, великолепное, 6-ярусное, с 60 подсвечниками и кроме того украшенное превосходнейшей работы лавровыми и другими листочками и стебельками. В нем весу 33 пуда и 30 фунтов». Надпись на нем должна была свидетельствовать о его азовском происхождении — «вдаръ Богу сіе паникадило в Черкасскую Соборную церковь 1643 года»³³.

Автором описания истории Воскресенского собора, его внутреннего и внешнего убранства был протоиерей о. Григорий Андреевич Левицкий, служивший в нем с 1840 по 1872 гг. Он был разносторонне образованным человеком, что позволяло ему заниматься церковной историей Нижнего Дона, изучением дел старочеркасского архива, сбором разнообразных устных сведений, которые легли в основу его работы. Очерк, опубликованный в ДВВ, был позднее переработан в книгу «Старочеркасск и его достопримечательности», выходящую до 1917 г. тремя изданиями. В позднейшей редакции 1906 г. количество упоминаемых культовых предметов, связанных с Азовом, неизмеримо больше, чем в первоначальном очерке. Это связано с тем, что кроме описания войскового собора в книгу было включено подробное исследование древностей всех церквей станицы Старочеркасской.

К началу 1870-х гг. в храмах станицы были следующие реликвии, связанные с историей Азова сер. XVII — нач. XVIII вв.:

Воскресенский собор

1. «... медное в 33 пуда 30 ф. паникадило...», упомянутое в очерке 1852 г.
2. «Большое серебряное Азовское кадило, вывезенное донцами из Азовской Предтеченской церкви в 1643 году...».
3. «Азовский образ св. Иоанна Предтечи, поборствовавший Донским казакам при защите Азова в 1642 году, писан-

ный, по свидетельству Ригельмана, в 637 году и присланный в копии, из Донецкого Предтечева монастыря на благословение Старочеркасску»³⁴.

Николаевская церковь Скородумовской станции

По преданию, церковь была привезена в Старочеркасск из Азова в 1643 г. В 1812 г. разобрана и перевезена в Новочеркасск, освящена о. Долотиным 22 июля. До 1829 г. церковь была деревянной и однопрестольной. В том же году закончено строительство новой, каменной церкви, выполненной в строгом классическом стиле с приделами: правым, во имя святой великомученицы Варвары и левым в честь Успения Пресвятой Богородицы.

1. «В Новочеркасской Николаевской церкви до 1845 г. было Азовское серебряное кадило, на 6-гранных углах которого были представлены ветхозаветные 6 патриархов в восточных чалмах... однако один не в меру ретивый церковнослужитель принял патриархов за турецких пашей или султанов и приказал кадило переплавить. От кадила остались лишь цепочки с крышкой»³⁵.

Михайло-Архангельская церковь

Эта церковь перенесена из Старочеркаска в новую столицу Войска Донского в 1813 г., освящена в том же году. Храм оставался деревянным до конца 1860-х гг. В 1872 г. было завершено каменное строительство и реконструкция храма; были сооружены новые приделы на втором этаже здания: правый в честь Владимирской иконы Божьей Матери и левый в честь Собора святого Иоанна Предтечи. В нижнем этаже находился главный престол во имя святителя Пантелеймона, к нему с правой стороны пристроен придел во имя святого Симеона юродивого и Иоанна Постника. При церкви в 1861 г. было открыто приходское училище. Прихожане храма составляли один из самых многочисленных клиров города.

1. В церкви есть «... три образа из Азовской Николаевской церкви: 1-й — Спасителя, 2-й — Владимирской Богоматери и 3-й — св. Николая Чудотворца; они стоят в 1-м поясе тамошнего иконостаса и украшены сребропозлащенными ризами»³⁶.

Преображенская (Ратная) церковь

1. Образ Иоанна Предтечи, привезенный из Азова в 1737 г.

2. Образ Иоанна Предтечи, обретенный в развалинах Азова, после взятия крепости в 1696 г.

Памятник-часовня (кампличка) на Монастырском урочище

1. Копия образа Иоанна Предтечи, которая «в 1864 году нарочно выписана для сего памятника из Донецкого Предтеченского монастыря Воронежской губернии». По описанию аналогична образу из Воскресенского войскового собора³⁷.

Большинство вышеперечисленных предметов лишь по преданиям связано с азовскими реликвиями времени Осадного сидения. Так, образ Иоанна Предтечи был в обоих случаях копией с подлинной иконы, хранившейся в Донецком Предтеченском монастыре. Однако подлинник ее, как уже отмечалось, не мог быть написан в 637 г. Связь этого образа с событиями 1637 — 1642 гг. не менее сомнительна. Известный донской краевед Х. И. Попов отмечал, что копия образа Иоанна Предтечи из Воскресенского собора сделана с иконы, обретенной в 1696 г. в развалинах Азова³⁸. Это отчасти подтверждается историей самого Предтеченского монастыря, основанного лишь в нач. XVIII в. По условиям Прутского мира в 1711 г. с территории Нижнего Дона были выведены монастыри и церкви, в том числе и Азовский Предтеченский монастырь. Следовательно, иконы Иоанна Предтечи из Воскресенского войскового собора, Преображенской церкви и памятника-часовни на Монастырском урочище являются копиями, сделанными с одного оригинала. Написанные рукой различных мастеров в разное время, они хранились в отличных друг от друга условиях и, подвергаясь реставрации, производили впечатление не копий с одного оригинала, а самостоятельных произведений. Только этим и можно объяснить неточность атрибуции данного образа авторами-историками и краеведами, вплоть до недавнего времени. Остается добавить, что развалины, из которых была обретаена икона в 1696 г., были ни чем иным, как «церковью кяфиров-греков», описанной Эвлией Челеби. Это была единственная постройка на месте турецкого Азова, где в конце XVII в. мог находиться образ православного святого.

Определить степень подлинности икон, находившихся в Николаевской Новочеркасской церкви, к сожалению, невоз-

можно. Церковь была уничтожена в 30-х годах нынешнего столетия, а описания ее внутреннего убранства пока не обнаружены.

Подробное и компетентное заключение о древностях, хранившихся в Воскресенском соборе, оставили нам сотрудники Императорской Археологической комиссии. Специалисты-искусствоведы, археологи, реставраторы в течение нескольких лет занимались изучением храма. В архиве ИИМК (г. Санкт-Петербург) сохранилось объемное дело, повествующее о многотрудной и длительной реставрации собора. Находившийся в аварийном состоянии храм должен был в 1918 г. отметить свой двухсотлетний юбилей, и Правление Области Войска Донского изыскало средства на его восстановление. В течение 20 лет, с 1897 по 1917 гг., сотрудники Археологической комиссии неоднократно приезжали в Старочеркасск, осматривали собор и описывали церковную утварь, а в 1916/17 гг. непосредственно руководили реставрационными работами. Эти работы выполняла московская мастерская иконописцев братьев Чириковых.

Прибыв на Дон в январе 1916 г., Г. И. Чириков составил «Докладную записку» на имя старшего помощника наказного атамана, генерал-майора Туроверова, где изложил свои соображения по вопросу реставрации внутреннего убранства собора. В ней упоминались «Три паникадила в храме, многожарусные, медные, литые и посеребренные, работа времени XVIII века, серебрение которых утрачено...»³⁹. Одно из этих паникадил, висящее по сию пору напротив средних царских врат, упоминалось как «азовское», о чем свидетельствует надпись на нем. Но еще о. Левицкий обратил внимание, что в надписи упоминалась Черкасская Соборная церковь под 1643 г., хотя в действительности храм этот был впервые заложен лишь в 1650 г. Полностью это несоответствие он объяснить не смог. Однако для специалиста высокого класса, каким был Г. И. Чириков, все было ясно с первого взгляда — иконостас и паникадила были выполнены в одном художественном стиле — «рококо». Для датировки его первой пол. XVII в. никаких оснований не было. Известно, что после опустошительного пожара 1744 г. внутреннее убранство собора пришлось создавать заново. Иконостас был сооружен к нач. 50-х гг. XVIII в.; тогда же были отлиты и паникадила. Возможно, что во время пожара в соборе действительно находилось паникадило, происходившее из церквей Азова.

Сильно поврежденное пламенем, оно было переплавлено, но мастер решил оставить в памяти потомков прежнее паникадило, связанное с героическим Осадным сидением, и сделал соответствующую надпись. Плохо разбираясь в истории, он указал дату оставления Азова — 1643 г., не зная о том, что в Старочеркасске еще не было церкви, где это паникадило должно было находиться.

Среди икон Воскресенского собора находилось несколько образов с изображением Иоанна Предтечи. Два из них находятся в иконостасе: один, письма сер. XVIII в. — в деисусном чине, другой, созданный в 1917 г. — в мастерской братьев Чириковых, в местном чине⁴⁰. На роль копий азовского образа претендовать они не могут, так как иконы, находящиеся в иконостасе, создаются по определенным канонам и в одном стиле. Это в первую очередь относится к иконе из деисусного чина, где Иоанн Предтеча изображается вполоборота к зрителю, что для обычного образа недопустимо. Но, кроме иконостаса, в соборе находилось огромное количество местных икон, среди которых также были изображения Иоанна Предтечи.

29 июня 1917 г. иконописец-реставратор Г. И. Чириков и член Археологической комиссии, академик архитектуры П. Покрышин сделали опись некоторых местных икон, «заслуживающих наибольшего внимания». Среди них под № 35 отмечен «Иоанн Предтеча с эмблемами на фоне, переписан в XIX в., оклад на полях, венчик и одежда чеканные, конца XVII в.» и под № 378 «Св. Иоанн Предтеча с житием, южных иконописных писем, конца XVII в.»⁴¹. Особо интересно указание, что образ под № 35 «переписан», что может свидетельствовать о том, что это искомая копия, присланная из Донецкого Предтеченского монастыря. Но этот термин может быть употреблен в значении «отреставрирован». Решить вопрос о происхождении этой иконы невозможно. Она, как и № 378, как и сотни других образов, исчезла в годы «богоборчества».

Единственным предметом, который действительно мог происходить из церкви Азова первой пол. XVII в., было серебряное кадило. В специальном документе — «Метрике для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах», заполненной служителем Воскресенского собора о. А. Г. Александровым, в рубрике № 60 «О наличии в храме древних предметов», от-

мечено: «Очень большое серебряное кадило (названо Благовещенским) вывезено из Азова. На этом кадиле надпись: «Кадило, вывезенное из Азова в 1741 году и потом переданное в Москве в 1744 году»⁴². Эти данные существенно дополняют сведения о. Левицкого, не указавшего, что кадило пострадало во время пожара 1744 г.

Благовещенское кадило, вместе с сотнями других культовых предметов, было изъято из Воскресенского собора во время кампании 1922 г. по секуляризации церковных ценностей. Дальнейшая судьба его неизвестна. Тогда же была разворована и Преображенская (Ратинская) церковь, уничтожена часовня-памятник на Монастырском урочище. Исчезли последние материальные свидетельства православной истории Азова XVII в.

Но не хотелось бы на этой печальной ноте ставить точку. Не могли же погибнуть все православные реликвии Азова, свидетели Осадного сидения, походов Петра Великого. Заканчивая работу над статьей, я случайно обнаружил свидетельство П. П. Свиньина, издателя журнала «Отечественные записки», совершившего в 1825 г. «археологическое путешествие» по России, с целью вступления в Общество истории и древностей Российских. Проезжая город Павловск*, он отметил в своих «Записках», что в соборной городской церкви находится иконостас Азовского собора, икона Знаменная Пресвятыне Богородицы «вырезанной en relief на большой жемчужной раковине», которая была найдена в Азове «при раскапывании крепостного вала». На городской колокольне находился колокол, вывезенный при оставлении Азова в 1711 г. Значит, не все еще потеряно. Значит надо искать.

* Павловск — уездный город Воронежской губернии. В 1711 году, при уступлении Турции Азова и срытии крепостей на Азовском море, все русские гарнизоны и посадские люди, выведенные оттуда, были поселены в город Осеред (переименованный в Павловск в память срытой крепости святого Павла на Миусе).

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. П. Савельев. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1916, с. 136.
2. Е. П. Савельев. Археологические очерки Дона. — Вып. II. — Городища дельты Дона. Новочеркасск, 1929, с. 16.
3. Казачий словарь-справочник. Т. 3. «Тана», Сан Ансельмо. Калифорния, 1970, с. 145; Казачий словарь-справочник. Т. 1. «Азов», Кливленд, Охайо, 1966, с. 16.

4. Советская историческая энциклопедия. Т. 14. «Ульфила», М., 1973, с. 792.
5. Казачий словарь-справочник. Т. 3. . . с. 145.
6. Казачий словарь-справочник. Т. 1. . . , с. 16.
7. А. И. Ригельман. Сказание о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992, с. 81.
8. Там же, с. 77.
9. Военские повести Древней Руси. М. —Л., 1949, с. 47.
10. Ипатьевская летопись. —Повесть временных лет. М., 1962, ст. 20.
11. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 236 сл.
12. О. М. Рапов. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988, с. 66.
13. Военские повести . . . , с. 48.
14. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лициным. Т. 1., Новочеркасск, 1891, с. 18.
15. И. В. Волков. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII — XVIII вв. — Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992, с. 84.
16. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. II. М., 1979, с. 202.
17. Акты. . . , с. 23.
18. Военские повести . . . , с. 76.
19. И. В. Волков. Гостевая церковь — мечеть Баязида Вели в Азове. — Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990, с. 136 сл.
20. Военские повести . . . , с. 74.
21. Эвлия Челеби. Ук. соч., с. 200.
22. Б. В. Лунин. Азовская эпопея 1637 — 1641 годов. Ростов-на-Дону, 1988, с. 49.
23. Военские повести . . . , с. 90.
24. Донские дела. Кн. 1. СПб, 1898, ст. 430.
25. Акты . . . , с. 25.
26. Донские дела . . . ст. 191.
27. Там же, ст. 190.
28. Там же, ст. 191.
29. Там же, ст. 196.
30. Там же, ст. 197 сл.
31. И. А. Гильденштедт. Дневник путешествия в Южную Россию. . . Цит. по М. П. Астапенко. Подвиг дивный. Ростов-на-Дону, 1991, с. 9.
32. П. Н. Краснов. Картины былого Тихого Дона. Т. 1. М., 1993, с. 84.
33. ДВВ от 22 марта 1852 г. Отдел местный, с. 117.
34. Г. А. Левицкий. Старочеркасск и его достопримечательности. Новочеркасск, 1906, с. 6—8.
35. Там же, с. 20—21.
36. Там же, с. 21.
37. Там же, с. 34.
38. Х. И. Попов. Город Черкасск. —ЗРОИДП. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1912, с. 103.
39. Архив ИИМК РАН. —Д. 94, 1897 г., л. 38.
40. Каталог выставки реставрационных произведений станковой темперной живописи XVIII века. Ростов-на-Дону, 1976, с. 10, 12.
41. Архив ИИМК РАН . . . л. 67—68.
42. Там же, л. 85.

**«ДОНСКИЕ ОБЛАСТНЫЕ ВЕДОМОСТИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX СТОЛЕТИЯ И ЕЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ**

Вторая пол. XIX в. в истории России отмечена значительными успехами в области науки, техники, литературы и искусства. Исключительный подъем научной мысли оказал непосредственное влияние на осознание значимости русской культуры. Периодическая печать, получившая свое развитие еще в XVIII веке, в этот период все более ориентируется на широкие массы населения. Увеличивается число газет и журналов, а для обслуживания периодической печати России в 1866 г. было создано первое национальное Российское телеграфное агентство.

В 1838 г. правительство утвердило положение об издании на местах губернских ведомостей, и уже в 1839 г. на Дону появилась первая газета «Донские войсковые ведомости», где статьи печатались по установленной программе для всех губернских ведомостей. Газета выходила в Новочеркасске и наиболее полное собрание ее находится в Музее истории донского казачества. Средства, затрачиваемые на издание «Ведомостей», выделялись войсковой казной, издание выходило при строгом контроле Войскового правления.

За 1839 г. сохранилось всего 19 номеров этой газеты. Содержание ведомостей копировало тематику статей аналогичных изданий в других провинциях. Например, ведомости от 6 июля 1839 г. официально сообщают о делах в соседних губерниях¹, в следующем номере сведения о переменах чиновников по Войску, как результат дворянских выборов².

С 1852 г. начинает выходить неофициальная часть газеты и происходит некоторое оживление содержания ведомостей. В 60-х гг. «Ведомости» приводят опись актов и записок, собранных в архивах Донской области, крепости Св. Дмитрия, Азовском и Таганрогском архивах, крепости Новохоперской и Астраханской³.

Неофициальная часть «Ведомостей» сыграла определенную положительную роль в привлечении читателей к проблемам местной культуры, науки и истории. Но небольшой объем и редкая периодичность явились причиной того, что общественная жизнь края не ощущала на себе влияния газеты. Уже в 1862 г. «Ведомости» писали, что та газета, кото-

рая выходит в данный момент, «не может выполнить всех требований общества и служить местным органом Донского края». В этот период газета имела 40 частных и 167 «обязательных» подписчиков из присутственных мест⁴.

«Экономическая, политическая и культурная жизнь Дона поставила в начале 60-х гг. на очередь вопрос о новом типе издания»⁵.

В начале 70-х гг. газета претерпела заметные изменения в оформлении, структуре, увеличился формат газеты и ее периодичность. С 1872 г. газета получила новое название — «Донские областные ведомости». 70-е гг. характеризуются появлением целенаправленных статей, согласно программе исторического и этнографического изучения Донского края⁶. Программа дала исследователям исторического быта жителей Дона направление их деятельности. Отличительной чертой статей 50—60 гг. является ограниченность тематики. Только после расширения программы неофициальной части газеты появились разноплановые материалы, в том числе статьи на революционную тему⁷.

В 1882 г. неофициальную часть газеты закрывают «за недостатком средств»⁸. Третий номер неофициальной части «Ведомостей» за этот год был последним. И лишь в 1901 г. неофициальная часть была возобновлена⁹.

Первыми корреспондентами газеты «Донские областные ведомости» являлись сами редакторы неофициальной части. Долгое время с газетой сотрудничал Иван Павлович Прянишников. Родился он в станице Новочеркасской, в семье казака в 1836 году. Окончив Новочеркасскую гимназию, в 1855 г. поступил в Харьковский университет на юридический факультет. До этого один год занимал место учителя исторических наук в Аксайском окружном училище. В 1861 г. был назначен на должность редактора «Донских войсковых ведомостей», в которой пробыл до 1864 г. Влияние Ивана Павловича на общественную жизнь Дона сказалось главным образом во время редактирования им газеты. Эпоха гуманных реформ не могла бесследно пройти и для Дона. Прянишников в этот период сумел преобразовать ведомости из чисто официального органа печати в серьезную газету с широко поставленной неофициальной частью. Писал Прянишников немного, занимался этим, видимо, по обязанности редактора. Свои заметки подписывал псевдонимом «-овъ». Непосильный

умственный труд и общее переутомление организма повлекли за собой болезнь головного мозга и в январе 1868 г. Иван Павлович умер. «Он не был ни велик и не громок. Он неуклонно шел по избранной им прямой, хотя и неудачной дороге. Чистым он жил, чистым работал и чистым сошел в раннюю могилу. Жизненная, служебная среда не победила твердого характера своим растлевающим дыханием»¹⁰.

Другом и соратником Прянишникова был Алексей Алексеевич Карасев. Даже жизнь его сходна с той, что прожил Иван Павлович. Гимназия, затем Харьковский университет, юридический факультет, но вот сочинительством начал заниматься в 12 лет. Печатался много и охотно. Его статьи печатались не только в «Донских областных ведомостях, но и в «Донском вестнике» и «Донской газете», которые он издавал, как редактор-издатель. После закрытия этих изданий занимался профессиональной деятельностью¹¹.

Очерки о военном быте донских казаков принадлежат перу Александра Николаевича Пивоварова. Он имел высшее юридическое образование, окончил Московский университет в 1867 г. Военная тематика была близка Пивоварову, так как он был участником войны с Турцией в 1877 — 1878 гг.¹². Помимо военного быта Александра Николаевича увлекало песенное творчество донских казаков. Титанический труд над этой тематикой вылился в систематизированный капитальный сборник¹³.

Псевдоним «Баклановец», очень часто встречающийся в «Ведомостях», принадлежал Федору Калинычу Трайлину. С 1873 по 1875 год он был редактором «Ведомостей», действительным членом Области Войска Донского Статистического комитета. Отставной коллежский секретарь Федор Калиныч Трайлин — человек, горячо любивший свой край, много сил отдавший изучению древней истории Донской области. И хотя его взгляды, не лишённые «казакомании», расходились с точкой зрения объективных историков Дона, все же его труды нельзя игнорировать. Неоднократно Трайлин обращался с просьбой об изысканиях на территории какой-либо станицы Донской области исторических, археологических, этнографических материалов и препровождению оных в Комиссию по устройству Донского музея. Мысль о создании музея созрела в общественных кругах еще в середине 60-х гг. XIX века. В середине 80-х была создана комиссия, которая работала над сбором будущих экспонатов музея. Открытие Дон-

ского музея состоялось 22 ноября 1899 г. Круг интересов Ф. К. Траилина можно определить по одному из многочисленных заявлений: «В дополнение к предыдущему заявлению о предоставлении возможности изыскания исторических городищ, бывших населенных мест (городков) — прошлого столетия и ранее, в юрте Потемкинской станицы с пепелищем Емельяна Пугачева, в юрте Верхне-Курмоярской станицы (времен Петра Великого)»¹⁴. Траилин предлагал комиссии решить вопрос с пользой исследования донской старины на бывшей территории Войска Донского. Он настаивал на «изысканиях в исторической местности на основаниях преданий и вещественных данных старины, еще покоящихся «в недрах земли»¹⁵.

Ф. К. Траилину принадлежит оригинальное толкование слова «казак». Он пишет заметку для газеты, однако ей не суждено было появиться. Широко известны были расходившиеся с официальной историей взгляды Траилина на возникновение казачества. Поводом к написанию статьи послужила небольшая заметка из календаря под названием «Древняя в мире монета»¹⁶. Сама эта монета, как описывается в заметке, находится в Британском музее. Специалисты считали, что чеканка ее относится к VII или VIII веку до Рождества Христова. Монета эта — кусок металла весом в 33 золотника, на одной стороне изображен олень и существует надпись: «Я изображение фана». Что есть «фан» — неизвестно. Одно из предположений, высказанных в этой заметке, следующее: монета введена в обращение не правительством, а купцами. Траилин, основываясь на этой заметке, развивает свое предположение относительно изображения оленя на монете и надписи под ним. «Этой монете современные донские казаки. У них искони была войсковая печать с изображением оленя, пронзенного стрелой. Подобных ни печатей, ни монет не было в каких-либо письменных актах древности, кроме казачьей печати. Мифологический бог полей и лесов у древних римлян изображался с козлиными рогами и ногами, такое изображение напоминает оленя. Без натяжки можно сблизить слова казак и коза («фавн»). Прототип же слова казак неоспоримо принадлежит древнейшей стране в мире — Аравии. Этим прототипом происхождения казаков, т. е. названия, может служить арабское слово «казават» — священная война против неверных»¹⁷. Столь вольная трактовка возникновения слова «казак», опирающаяся на арабский ис-

точник, не могла **быть** помещена в официальном органе печати — «Ведомостях».

Одновременно с историческими изысканиями Ф. К. Трайлин отмечал места, где находится глина, которая могла быть использована для хозяйственных нужд¹⁸. Трайлин заботился не только о сохранении истории Донского края, но и о благоустройстве Новочеркаска, где он жил по улице Воспитательной, № 35. Его талант исследователя полно раскрылся с выходом частных газет в Новочеркасске. Многочисленные статьи появляются в «Донском вестнике»¹⁹, издаваемом и редактором которого являлся А. А. Карасев. С 1881 г. Трайлин предпринимает собственное издание «Донского справочного листка», просуществовавшего два года, а с 1882 по 1887 гг. в Новочеркасске выходит «Казачий вестник».

Одним из запоминающихся корреспондентов «Ведомостей» является Николай Иванович Краснов, генерал-лейтенант, по происхождению — донской казак. Образование он получил в Петербурге, в 1-ом Кадетском корпусе. Участвуя в Крымской войне, отличился мужеством и смелостью, был одним из защитников Таганрога, где обороной города командовал его отец, Иван Иванович Краснов. Выйдя в отставку в конце 1891 г., Н. И. Краснов занялся общественной работой²⁰. В 90-е гг. общественная работа захватила его полностью. Эпидемия холеры, бушевавшая в 1891 — 1892 гг., и жестокие неурожаи заставили Краснова хлопотать об оказании помощи пострадавшим, большей частью крестьянам. Они хорошо помнили еще его отца, защитника Таганрога, и возлагали надежды на то, что стараниями Краснова им будет оказана помощь со стороны правительства продовольствием и ссудой²¹.

Параллельно с военно-административной деятельностью Н. И. Краснов занимается в течение всей дальнейшей жизни научно литературным трудом. Огромный интерес представляют его статьи, раскрывающие быт и историю казачьих войск. К середине XIX столетия Россия была мало изучена и исследована во всех отношениях. Крымская война показала весь вред такого неведения²². Военное ведомство возложило на офицеров Генерального Штаба составление военно-статистического обозрения различных областей России. К числу таких офицеров относился и Н. И. Краснов, которому было поручено составление военно-статистического обозрения

земли Войска Донского²³. Н. И. Краснов еще задолго до этого поручения занимался исследованиями донской старины, свидетельством чего являются статьи в журнале «Русская старина» за 1875 год²⁴, в «Военном сборнике» за 1883 год²⁵, журнале «Русская речь» за 1818 год²⁶.

Н. И. Краснов немало потрудился над распространением среди русской публики сведений о казачьих войсках, их истории, экономическом быте, военном положении, над развитием среди донского казачества самосознания и стремления к полезной деятельности²⁷. Краснов советовал исследователям обратить внимание на дела, хранящиеся в архиве Морского Министерства²⁸, а также использовать исходные материалы, предлагаемые им в «ДОВ»²⁹.

С 1875 г. редактором неофициальной части ведомостей становится Семен Филиппович Номикосов, преподаватель естественных наук, действительный член Донского статистического комитета. Именно поэтому многочисленные статьи и научные труды Номикосова носят статистический характер³⁰. Разрабатывалась программа статистического описания области. «Статистическое описание призвано служить настольной книгой для экономиста и для всякого, желающего ознакомиться с краем»³¹. Безусловно, что истинной картины положения дел на Дону статистические сведения не отражали и нельзя полностью полагаться на статистику в «Ведомостях». Об этом упоминал в одной из своих статей С. Ф. Номикосов³². Помимо «Ведомостей», Семен Филиппович сотрудничал с газетами «Донской Вестник» и «Донская пчела», редактировал памятные книжки ОВД, издаваемые статистическим комитетом.

В числе редакторов «Ведомостей» были М. Х. Сенюткин, А. А. Леонов, А. М. Савельев, первым редактором возобновленной неофициальной части в 1901 г. стал Иван Петрович Попов. Сменил его Харитон Попов, зарекомендовавший себя к этому времени на общественном и историко-литературном поприще, затем газету редактировали Г. П. Янов и С. А. Холмский. Деятельность редакторов, в большинстве случаев, явилась прогрессом для ведомостей. Расширилась программа неофициальной части, стали появляться статьи проблемного характера. «Редакция «Донских областных ведомостей» поставила себе за правило, по возможности, давать место разнообразным суждениям по одному и тому же вопросу»³³.

Многочисленные статьи исторического, этнографического, статистико-экономического характера — это богатый и малоизученный материал газеты «Донские областные ведомости». Интерес к истории Дона, быту и нравам жителей Донской области был огромен и постоянен. И благодаря увлеченным историей своего родного края представителям донской интеллигенции мы имеем возможность познакомиться с частью нашей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. ДВВ, 1839, № 11.
2. ДВВ, 1839, № 12.
3. ДВВ, 1864, № 48—50; 1865, № 1—11, 21—31.
4. Наш край, Т. 1. Ростов н/Д, 1963, с. 486.
5. Из истории журналистики Дона. Ростов н/Д, 1977, с. 15
6. ДОВ, 1874, № 12.
7. ДОВ, 1881, № 25.
8. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 185, л. 3.
9. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 185, л. 3.
10. ДВ, 1868, № 31.
11. Станько А. И. Журналистика Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1990, с. 27—30.
12. Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907, с. 176.
13. Пивоваров А. Н. Донские казачьи песни. Ч. 1—2. Новочеркасск, 1885.
14. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 492, л. 1.
15. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 492, л. 1.
16. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 97, л. 90.
17. Там же.
18. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 492, л. 2.
19. Траялин Ф. К. Из калмыцкой жизни. —ДВ, 1867, № 13; Калмыцкое духовенство. —ДВ, 1867, № 2; Из калмыцкого округа. —ДВ, 1866, № 15; Статистическое дело. —ДВ, 1866, № 10; Из слободы Ильинка. —ДВ, 1868, № 50; Из калмыцкой жизни. Брак. —ДВ, 1868, № 31, 32; Калмыцкое кочевье. —ДВ, 1867, № 48—50.
20. Донцы XIX века. с. 169.
21. Там же, с. 170.
22. Там же, с. 170.
23. Там же, с. 171.
24. Краснов Н. И. Дмитрий Ефимович Кутейников, атаман Войска Донского. —Русская старина, 1875, № 5—8.
25. Его же. Прошедшее и настоящее донских казаков. —Военный сборник, 1883, Кн. 4.
26. Его же. Исторические очерки Дона. Борьба А. И. Чернышова с войсковыми атаманами. — Русская речь, Кн. 5, с. 66 — 93; кн. 6, с. 108 сл.; кн. 7, с. 32 сл.
27. Донцы XIX века. с. 171.
28. Материалы к истории донских казаков. —ДОВ, 1880, № 74.
29. Материалы к истории донских казаков. —ДОВ, 1880, № 95.
30. См., напр.: Номикосов С. Ф. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884; Его же заметка о конном заводе И. П. и Н. П. Краснощековых. —ДВ, 1867, № 18.

31. ДОВ, 1880, № 15.
32. ДОВ, 1880, № 6.
33. ДОВ, 1881, № 109.

Г. А. ДОВГАЛЕВА

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Н. К. БУРЫКИНА

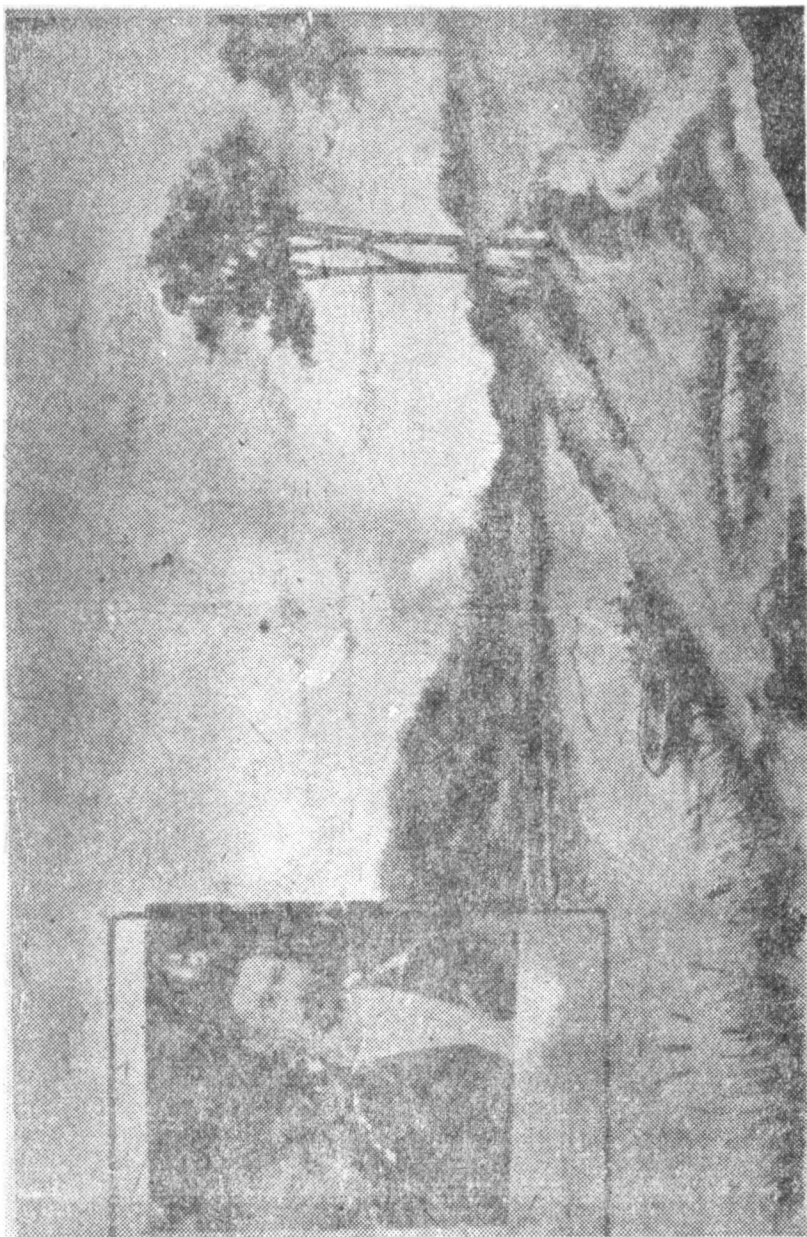
В документах и литературе о событиях 1906 г. в Усть-Медведицком округе Войска Донского часто рядом с фамилиями П. Агеева и Ф. Миронова стоит фамилия Бурыкина.

Так, например, в уведомлении окружного атамана Усть-Медведицкого округа начальнику ДОЖУ от 10 июля 1906 г. о самовольном освобождении из-под ареста казаками станицы Усть-Медведицкой агитаторов, выступавших против мобилизации, сказано: «. Возбужденная толпа с нетерпением ждала ответа на телеграмму МОСО, но, наконец, не выдержала и с криком бросилась освобождать из-под ареста дьякона Бурыкина и студента Агеева. Тогда только я решился дать приказание освободить их. Часть же толпы, не дождавшись моего приказания об освобождении арестованных, явилась во двор вверенного мне управления, где отбывали арест Бурыкин и Агеев, выручить их; но арестованные, выслушав рассказ о ходе дела в станичном правлении, убедили толпу ожидать ответа от войскового наказного атамана на посланные телеграммы, и толпа расположилась во дворе управления. Вскоре явился полицейский пристав станицы Усть-Медведицкой и объявил дьякону Бурыкину и студенту Агееву об освобождении их из-под ареста. »¹.

Однако, если то, как сложились судьбы Агеева, заметного деятеля движения, и Миронова, героя Красной армии, достаточно хорошо известно, то о Бурыкине нигде в литературе не встречается каких-либо биографических сведений.

В какой-то мере это объясняет поблекшая фотографическая открытка, находившаяся среди семейных документов Нины Ивановны Сергеевой. Ее предыстория такова. Революционно-демократический кружок, сложившийся в Усть-Медведицкой станице, в который входил и Н. К. Бурыкин, уделял большое внимание пропагандистской работе среди гимназистов и гимназисток старших классов. Одной из них, Ольге

Кузьминичне Поповой, кружок оказал материальную помощь, тем самым дав возможность завершить обучение. Семья Поповых не имела средств, чтобы оплатить учебу дочери в выпускном классе гимназии, который только и давал право в дальнейшем учительствовать. И тогда демократический кружок по инициативе Ф. Миронова организовал сбор средств, проведя благотворительный вечер. Необходимые для учебы 75 рублей были найдены. В дальнейшем дружеские отношения, связавшие Ольгу Кузьминичну со многими членами Усть-Медведицкого кружка, не прекратились и продолжались многие годы. Так, практически всю жизнь в переписке с ней состояли и Миронов, и Бурыкин, и писатель Ф. Д. Крюков.

Упомянутая открытка была послана Бурыкиным О. К. Поповой предположительно до 1920-го года. Это — фотографическая почтовая карточка, лицевую сторону которой составляет фотомонтаж. Открытка особенно интересна тем, что, по замыслу ее издателей в нее впечатывается изображение покупателя, благодаря чему у нас теперь есть фотография Н. К. Бурыкина. На обороте открытки — текст письма. Так как открытка отсылалась в конверте, на ней нет штемпельных оттисков. В тексте письма содержатся биографические сведения, дающие некоторое представление о личности Бурыкина. Читаем: «Хорошему, отзывчивому, чуткому человеку, дорогой, симпатичной Оле. От бывшего семьянина-домохозяина, бывшего «семинариста», бывшего дьякона, бывшего студента и прочее. Не верно ли? «Как мало прожито, как много пережито».

По тону письма в целом, по этому перечислению бывших состояний мы можем определенно говорить о личности, неумной, мятущейся, но в итоге не нашедшей себя, не сделавшей до конца своего выбора и не проявившей себя столь же определенно и ярко, как друзья юности — Миронов и Агеев. Эти сведения слишком скудны, чтобы однозначно заявить: личности не состоявшейся.

Пересказывая воспоминания матери — Поповой Ольги Кузьминичны (г. Новочеркасск), Нина Ивановна Сергеева (г. Ростов-на-Дону) сообщила.

Бурыкин Николай Константинович — выходец из казачьей семьи Усть-Медведицкой станицы. Бывший семинарист, в 1906 г. был дьяконом кладбищенской церкви Усть-Медведицкой станицы. Принимал активное участие в работе революционно-демократического кружка. Кружком распростра-

нялись листовки, организовывались митинги. На них выступали Агеев, Панин, Скачков и сам Бурькин, который очаровывал слушателей своим прекрасным голосом и необычайным красноречием. Когда в конце 1906 г. Ф. Миронов был вновь принят на военную службу, перед отъездом в полк дела по распространению листовок он передал дьякону Бурькину, редактировал листовки донской писатель Ф. Д. Крюков. За участие в революционных выступлениях Н. К. Бурькин был арестован и лишен сана. После освобождения в 1907 г. Бурькин поступил в Харьковский политехнический институт. В то же время он отходит от политической деятельности. Николай Константинович был женат, имел дочь, но развелся. Средств к учебе не было, жилось тяжело. Ольга Кузьминична к тому времени уже работала в Камышине классной дамой в гимназии. В благодарность за оказанную ей в свое время помощь она иногда помогала ему сколько могла посылкой денег.

По окончании института Бурькин был послан работать в Кутаиси, где получил место преподавателя реального училища. После революции в середине 20-х гг. он бывал на Дону у родственников, кажется, даже пытался работать. Однако вскоре вернулся в Кутаиси, где и скончался от туберкулеза легких в самом конце 30-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРО, ф. 8. ОП. 1, д. 76, лл. 249—250.

Е. А. ГРИГОРЕНКО

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ И. И. КРЫЛОВА

« . Всегда думаю, что бы мне сделать хорошего в том уголке Родины, где я рос и учился, чтобы это место было свято и не вырос после меня кабак»¹.

Немало уже писано о жизни И. И. Крылова, но официальные строки из биографии художника очень скупо рассказывают о человеке, который «. . . был настоящим русским самородком, всю жизнь проработавшим с кистью в руке, кото-

рая была обращена на создание все новых реалистических произведений живописи. До конца жизни он ни на йоту не утратил драгоценных качеств своей духовной природы — трудолюбия, энергии и постоянного стремления вперед»².

Время распорядилось по-своему, сохранив нам основное дело его жизни — живописные полотна, переданные в дар городу, почти полностью уничтожило письма, документы, все то, что могло бы нам рассказать о И. И. Крылове, как о «. . . чудесном, добром, душевном человеке»³. И то немногое, что сохранилось в воспоминаниях современников, в наспах написанных им черновых заметках, слегка приоткрывает эту завесу.

Начало учебы в академии

«. . . Удивительно, с какой детской радостью и безбоязненной простотой глядел на жизнь, сколько было полного доверия и любви к людям и как скоро жизнь и люди начали бить, бить. »

Шел 1878 год. И. И. Крылов учился в 6-м классе Платовской гимназии г. Новочеркасска. Проявляя необыкновенные способности к рисованию, он мечтает продолжить обучение живописи в Академии художеств. В это время в Новочеркасск приезжает из Петербурга земляк-станичник, который приглашает Ваню поселиться у него. Приняв за истину это приглашение, Крылов приехал к нему, но земляк предложил ему поселиться где-нибудь на Васильевском острове, поближе к Академии. Таким образом он оказался на улице. «Вот тут-то и захватила меня жестокая богемская жизнь. Благо нашлись в Академии новые приятели, которые, видя мое нищенство, потолковав обо мне в своей «коммуне», нашли, что я «мальчишка хороший» и сказали «Ну, иди к нам жить на казенку». Это была самая махровая беднота. . . Устраиваться мне было недолго: несколько пустых пивных бутылок, на них положено 2—3 доски, приобретенные нелегальным путем в Академическом дворике, и постель готова»⁴.

Начало творческого пути

Первые два года в Академии прошли в «крайней, сказочной нужде». Переболев и физически, и нравственно, терзаемый сомнениями о своем даровании, И. И. Крылов получил, стараниями директора Платовской гимназии С. С. Ро-

буша, небольшую стипендию, от которой он отказался за полтора года до окончания Академии, научившись к этому времени подрабатывать себе на жизнь. Областное начальство удовлетворило его просьбу и он продолжил занятия до 1887 г., получая за работы медали и денежные пособия. «Выступить на конкурсе, чтобы получить командировку за границу на 4 года для дальнейшего усовершенствования, я потерял возможность тем обстоятельством, что женился, а таким заграничную поездку не давали. Обстоятельство это можно было скрыть, обойти, оспаривать, но я не хотел этого делать и вышел из Академии свободным художником»⁵. Работы художника приобретались музеями страны. Так, Академией художеств были приобретены работы «Старочеркасский мост на Дону», «Набережная у Николаевского моста в Петербурге», «Кочевье в Донских степях». Членами царской фамилии для дворцов Петербурга и Москвы были приобретены работы «Весна — разлив», в 1893 г. Великим князем Сергеем Александровичем приобретена работа «Москва с Воробьевых гор»⁶.

Происшествие на Военно-Осетинской дороге

В начале нынешнего столетия художник предпринимает путешествие по югу России. Один из документов из семейного архива рассказал нам об одном эпизоде, происшедшем с И. И. Крыловым 1-го августа 1901 г. во время путешествия по Военно-Осетинской дороге. Переночевав в местечке Агое, И. И. Крылов с товарищами продолжили свое путешествие. Отдохнув немного на полпути, наконец часов в 8 вечера усталые и с измученными ослиами дошли они до селения Цесса. Здесь они направились к духану, где надеялись найти ночлег и корм для скота. Переговоры в подобных случаях возглавлялись на И. И. Крылова, как наиболее опытного из спутников. Подойдя к духану, он спросил, кто здесь хозяин, и ему указали на мальчика, стоявшего у входа. Рядом с ним находился всадник, на которого Крылов вначале не обратил никакого внимания. Но когда он начал разговор с мальчиком о ночлеге и корме для ослов, этот конный стал трепать его за плечо и говорить что-то о хозяине. И. И. Крылов не придал вначале значения ни толканиям в плечо, ни его словам, так как, взглянув на всадника, понял, что тот совершенно пьян. Но когда он снова стал разговаривать с мальчиком, всадник, который оказался стражником местного поста, опять схватил его за плечо и стал что-то озлобленно кри-

чать. Иван Иванович сбросил его руку со своего плеча и крикнул ему: «Отойти от меня, что тебе нужно?». С ревом всадник выхватил из ножен шашку и замахнулся ею. Крылов подался назад, зацепился за сложенное железо и камни и упал, разорвав себе черкеску, быстро вскочив на ноги, он увидел, что тот опять замахивается на него шашкой; быстро, правой рукой, из которой не выпускал палки, он ударил всадника. Закончилось тем, что Крылов был взят под стражу и по распоряжению начальства провел несколько суток в арестантской казарме. В заключение своего рассказа И. И. Крылов пишет: «Ни безупречное трудовое прошлое, ни личное знакомство с Государем Императором, которого я имел счастье ежегодно, как член Императорской Академии художеств, сопровождать по выставке, на которой почти ежегодно членами Императорской фамилии и Музеем Академии приобретались мои произведения, ни, наконец, та одна из моих бумаг, в которой говорится, что я состою членом почти всех русских художественных обществ и благотворительств, обращают просвещенному вниманию начальствующих особ оказывать помощь члену общества, находящемуся под высочайшим покровительством Государя Императора, не спасла меня от тяжелого испытания, которому я подвергался двое суток. Я живу для пользы общества и слишком счастлив своим положением художника, чтобы подставить, как баран, голову под удары дикого, пьяного и озверевшего человека и не прибегнуть вовремя к самозащите»¹.

Пополнение коллекций Донского музея

«. . Вера Ивановна показала мне несколько твоих эскизов для картин, находящихся теперь в прекрасных музеях. И у меня мелькнула гениальная мысль; зная, что ты добр и некорыстен, а музей наш богатейший и интересный на всем Северо-Кавказском крае своими ископаемыми, всякого рода сельскохозяйственными экспонатами казачьего и калмыцкого быта, западного искусства и отчасти только русского начала XIX века, есть, например, портрет Екатерины II Кипренского, которому равного нет и в самой Третьяковке; но беден представителями современного русского искусства, особенно в его революционных отделах, а еще беднее деньгами (отпускают тысячи 2 в год) ничего-то приобрести путем покупки нет возможности. Так вот, не будет ли твоя высокая милость, не дашь ли ты мне для музея твою «Палатку» или «Бегство из Новороссийска». Страсть, как бы мне хотелось

видеть твоё в музее. Щербов охотно мне дал репродукцию в красках, исп. Голике в натуральную величину, — «Ярмарку». Или дай в долг — выиграю в одну из пятилеток тысяч 5—10 (о выигрыше все мечтаю) и будет тебе с прибавкою на орехи. Будем в музее ты, я и Щербов. И радости и гордости для меня будет немало. Отдал даром в музей 2 очень ценные вещи итальянской живописи. Одна XVI—XVII в. «Несение креста» и другую — голову мальчика конца XVIII или нач. XIX в., тоже итальянской школы»⁸. К сожалению, эти работы в коллекции не сохранились.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. И. Крылов. Черновые записи к биографии (1920—30-е гг.). — Фонд МИДК, музей И. И. Крылова, КП 15926.
2. Н. А. Трусов. Черновые заметки. — Там же, без инв. №.
3. И. Н. Фомин. Письмо директору МИДК. — Там же, без инв. №.
4. И. И. Крылов. Черновые заметки. Там же, без инв. №.
5. Там же.
6. Там же, КП 15918, 15922, 15925.
7. И. И. Крылов. Черновик письма к... Там же, КП 16235.
8. И. И. Крылов. Черновик письма И. А. Владимирову. — Там же, КП 15768.

В. И. КУЛИШОВ

ДУБОВСКОЙ И ПЕРЕДВИЖНИКИ В КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Строго одетый, подтянутый, сдержанный в движениях и чувствах, с пытливым, внутренне сосредоточенным взглядом, — таким выглядит Н. Н. Дубовской в портретах, написанных его друзьями К. К. Костанди и Л. В. Половым. Два из трех известных живописных изображений художника и скульптурный бюст работы В. А. Беклемишева, выставленные в залах МИДК, достаточно полно воссоздают образ замечательного человека, художника-демократа, патриота донского края.

Николай Николаевич Дубовской родился в Новочеркаске 6 декабря 1859 г. Часто бывает, что детские впечатления, природное окружение, остаются самыми сильными и решающими в становлении художника. Так и у Дубовского: открытый простор донской степи, высокое небо, поражающее из-

менчивой игрой света и цвета, навсегда вошли в его пейзажное творчество, предопределив его характер и особенности.

Восемнадцатилетним юношей, после окончания Киевского кадетского корпуса, он поступает в Петербургскую Академию художеств в пейзажный класс профессора М. К. Клодта. Получив за время обучения четыре серебряных медали, Н. Дубовской был претендентом на золотую медаль, а вместе с ней и на заграничную командировку. Однако он отказывается писать конкурсную работу на заданную Советом тему и, следуя примеру протестантов знаменитого «бунта» 14-ти 1863 г. во главе с И. Н. Крамоким, оставляет Академию¹. Несмотря на трудности жизни, полуголодное существование, Дубовской уже тогда проявил твердость характера, творческую независимость и приверженность демократическим идеалам.

Продолжая настойчиво совершенствовать свое профессиональное мастерство, — а он отличался редкой трудоспособностью, работая до 16 часов в сутки, Дубовской в 1884 г. участвует на XII передвижной выставке картиной «Зима» (1884 г), которая получила высокую оценку В. В. Стасова и И. Е. Репина. Начиная с этой выставки, он — неперменный участник всех последующих ежегодных передвижных выставок, вплоть до своей кончины в 1918 г., где он показал св. 700 работ.

В экспозиции музея представлено несколько зимних пейзажей художника. Особенно выделяется «Зима» (1901 г), созданная уже зрелым мастером, получившим к этому времени звание академика. С материальной убедительностью Дубовской передает ощущение солнечного морозного дня — такого торжественного и праздничного, зимнюю дорогу с розвальнями, крестьянку с коровой, заснеженную вдали деревню. Стелются легкие воздушные тени, стрекочет на хрупком, промерзлом дереве сорока, кружат вороны, встревоженные собакой. Картина рождает поэтическое чувство, которое сродни русской песне — протяжной и задушевной. Пожалуй, впервые в отечественной живописи Дубовской с такой новизной и свежестью изобразил русскую зиму.

Художник широкого диапазона, он очень разнообразен в выборе сюжета. И все же можно выделить две главные темы, пронизывающие все его творчество: эпическая ширь русских полей и водная стихия. Дубовского с полным правом

можно назвать «поэтом воздуха», ибо небо в его картинах — и по размеру, и по эмоциональной содержательности — своеобразный камертон состояния природы. Подтверждение этому — целый ряд произведений: «Курганы в степи» (1900 г.), «Сенокос» (1915 г.), «Летние облака» (1906 г.), «Вечер над полями» (1903 г.) и др. Причем пейзаж у Н. Дубовского почти всегда населен людьми, животными, призванными не «оживить» его, а одухотворить, наполнить живым человеческим чувством общения с природой. Поэтому вряд ли были правы критики, обвинявшие его в излишней повествовательности, увлечении стаффажем. Дубовский умел найти меру соотношения сюжетного действия и пейзажа, который всегда оставался у него доминирующим в создании художественного образа. И в этом проявилась его индивидуальность как художника, который стремился в пейзаже выразить социальные идеи, программные во всей деятельности Товарищества.

Завершающей картиной этой темы, в которой наиболее полно воплотилось представление Н. Дубовского о своей родной земле, стала «Родина» (1903—1904 гг.). Показанная на передвижной, а в 1911 г. на Всемирной выставке в Париже, она, по единодушному суждению художников и критиков, была признана «лучшим пейзажем всей выставки». В повторении 1916 г. художник избирает сходное композиционное решение, сюжетное действие, раскрывающееся через сопоставление унылой фигуры пахаря с волами и величественной, уходящей вдаль широтой русского пейзажа. В нем и щемящая грусть, и восхищение природой, и вера в грядущее светлое будущее своей Родины. В этом произведении Дубовский достигает большой обобщенности, живописной свободы в напевной полнозвучности раскрытия образа.

Другое полотно, принесшее Н. Дубовскому широкую известность, — «Притихло» (1890 г.), находящееся в Русском музее (повторение в Третьяковской галерее). В собрании МИДК есть несколько первоклассных произведений, разрабатывающих мотивы этой темы: «Буря утихает» (1906 — 1907 гг.), «Надвигается туча» (1912 г.), «Дождь прошел» (1909 г.).

Бурное состояние природы всегда привлекало внимание Дубовского. Кратковременные, редкие по своей красоте моменты в жизни природы используются художником для выра-

жения сильных чувств, которые невольно захватывают зрителя. Романтическое чувство в них слито с восторженно-восхищенным взглядом пейзажиста на мир, — оттого люди, введенные в картину, редко изображены в борьбе со стихией, чаще — очарованы красотой состояния природы, выражая тем самым светлое мироощущение художника. Блестящее мастерство позволяло ему при этом решать сложнейшие живописные задачи. Дубовской свободно владел разнообразной живописной техникой, фактурой холста, способом наложения красочного слоя. Подлинным шедевром в этом роде является его «Радуга» (1892 г.).

Н. Дубовскому почти не удавались как драматические, так и лирические по своему существу сюжеты. По складу дарования он не лирик, наделяющий изображенный мотив своими субъективными переживаниями, а скорее поэт эпического плана, аналитик, зорко всматривающийся во внутреннюю жизнь природы, стремящийся разгадать скрытую от внешнего взгляда ее тайну воздействия на человека, его психику, настроение. И в этом главная особенность творчества Дубовского, отличающая его от других пейзажистов.

Великолепны марины Дубовского «Море» (1911 г.), «Утренний бриз» (1913—1915 гг.), «Чайки над морем» (1911 г.). В них действительно не видишь краски, а чувствуешь влажный воздух, прозрачность воды, увлекающее глубиной пространство.

Как у всякого художника переходной поры, творческое развитие Дубовского происходило сложно и противоречиво, были и неудачи, и срывы, но в лучших своих произведениях он стоит на уровне крупнейших мастеров своего времени. Не случайно его имя на рубеже XIX — XX вв. было столь же популярно, как имя другого прославленного пейзажиста И. И. Левитана.

Творческую активность Дубовской сочетал с большой общественно-организаторской и педагогической деятельностью. Став членом Товарищества передвижных художественных выставок, он сменил несколько должностей, а с 1899 г. избирается бессменным членом его правления². С 1911 г. он профессор пейзажного класса Академии художеств. Трудные годы жизни Товарищества не помешали Дубовскому сохранить уверенность, оптимизм, твердую веру в то, что «правда жизни, реализм, идейность — все понадобится новому обществу».

Широко образованный, отзывчивый к людям, Николай Никандрович пользовался авторитетом и уважением среди художников. В гостеприимной квартире Дубовских нередко устраивались товарищеские встречи, художественные «четверги». Он был дружен со многими художниками: И. Е. Репиным, Н. А. Ярошенко, И. И. Шишкиным, В. Е. Маковским, Г. Г. Мясоедовым, Н. А. Касаткиным и др. В результате обмена работами он собрал обширную коллекцию произведений русской живописи, которую наряду с большим количеством своих работ предполагал сделать основой будущей картинной галереи в Новочеркасске. Выставленные сейчас в музее, они дают возможность увидеть не только наиболее полное собрание произведений Н. Н. Дубовского в нашей стране, но и получить представление о творчестве его современников.

Особенно широко показано творчество яркого передвижника В. Е. Маковского (св. 20 работ). Как никто другой, Маковский в своих многочисленных, небольших по размерам жанровых картинах, остро выхваченных из окружающей жизни, дал многообразную социальную характеристику русской дореволюционной действительности. Причем повествование в картинах Маковского ведется не равнодушным бытописцем, а художником, не скрывающим своего отношения к изображаемому: сострадания к униженным и обездоленным, насмешки над чинной представительностью господ, добродушной иронии при наблюдении повседневности маленьких людей, их слабостей и пр.

Тоскливо сжимает сердце картина зимнего вечера на одной из Петербургских улиц—«У ночлежного дома» (1886 г.). Масса разнохарактерного озябшего люда, среди которого полураздетые бродяги, — один из них тщетно пытается согреться движением, — мастеровые, женщины с плачущими детьми, потерявшие всякую надежду найти приют, — все толпятся у безмолвно застывшей громады домов, в ожидании открытия ночлежки. Подробный рассказ сюжета усиливается мастерской передачей состояния серого, тоскливого в однообразии холодного колорита зимнего пейзажа города. Острое чувство отчаяния, жалости пронизывает все изображение, заставляя задуматься над причиной такого бедственного положения народа. Картина является, по всей видимости, первым вариантом известного произведения Маковского «Ночлежный дом» (1889 г.),

Обладея тонким даром психологического анализа, Маковский, не выходя за рамки реального правдоподобия, исподволь разоблачает чванство власть имущих, мещанство обывателей (акварель «Христославы» (1865 г.), «Украинский сюжет» (1883 г.), «Сцена с кормилицей» (1899 г.), акварель «Друзья-приятели» (1877—1919 гг.).

Проникнуты теплотой и любовью пасторали художника о крестьянских детях, их единении с природой — «Пастухи», «Дети в поле» (1879 г.). Яркими индивидуальными характеристиками отличаются однофигурные картины «Тип» (1900 г.), «Хмельной» (1902 г.), «Старушка» (1917 г.). Маковский-портретист хорошо представлен работой «Мальчик Вася» (1908 г.) трогательной жизненной проникновенностью образа, и красивым, мягкой цветовой сдержанностью портретом Ф. Н. Дубовской (1911 г.).

Кроме общих взглядов на искусство, Н. Дубовского сближало с товарищами-передвижниками увлечение музыкой, стремление к постоянному совершенствованию интеллекта. На вечерах у Дубовского читались литературные произведения, прослушивался граммофон с различными записями — от классических сочинений до плясовой народной музыки и солдатских песен. Нередко исполнителями выступали сами художники: В. Е. Маковский, Г. Г. Мясоедов, соперничавшие в скрипичной игре, Я. Д. Минченков³.

В собрании МИДК есть портретные этюды Г. Г. Мясоедова, очень интересный по выражению элегического настроения пейзаж «Листопад».

Общение с Н. А. Ярошенко, вторым после И. Н. Крамского крупным вождем передвижничества, оказало сильное влияние на идейное развитие Дубовского. И. Н. Крамской, собственно, вовлек его и в организаторскую деятельность Товарищества. Сочный, насыщенный по цвету этюд Ярошенко «Красные камни», вероятно, написан во время их совместного путешествия по Кавказу. Другой этюд «Старик» — натурная студия с великолепной передачей солнечного освещения.

Рабочей тематикой, энергичной и смелой манерой исполнения отмечены произведения «Пролетарий» (1905 г.), «Старуха», типичные для творчества Н. А. Касаткина. Особой выразительностью и по содержанию, и по цветовой аскетичности колорита, построенного по существу на различных оттенках черного, наделена картина «Пролетарий», изображающая молодого рабочего с дочерью. Приезжая из Москвы

в Петербург, Касаткин подолгу гостил у Дубовских, находя там домашний уют и творческую атмосферу жизни в искусстве.

Свежестью и законченностью письма привлекают внимание произведения К. В. Лебедева «Старик» (1900 г.) и пастель «Боярышня» (1908 г.), эскиз исторической композиции С. Д. Милорадовича «В ссылку» («Протоиерей Аввакум»). В собрании музея представлены и другие передвижники — В. М. Васнецов («Крестьянин»), А. М. Корин («Мать»), С. В. Иванов («С Волги»), П. Н. Радимов («В избе»), А. В. Моравов («Телега»).

Как и другие жанры, бытовая живопись 90-х гг. претерпевает существенные изменения как в выборе сюжета, так и в понимании изобразительной формы. Открытая повествовательность уступает место внутреннему подтексту, раскрывающемуся через настроение людей и природы. Мельчает тематика картин, но художники, избирая самый обыденный сюжет, творчески используя достижения пленерной живописи, создают поэтические новеллы о жизни простого человека. В этом плане интересны произведения Н. К. Пимоненко («За работой»), передового жанриста того времени Л. В. Попова («Юноша», «Поздняя осень»), и В. Н. Бакшеева («Перед приездом господ»).

Значительно и пейзажно собрание коллекции. Здесь произведения старых передвижников: И. И. Шишкина («Еловый лесок», «Тропинка», «Стволы»), А. А. Киселева («Ручей» — 1887 г., «Деревенский домик» — 1895 г.), Е. Е. Волкова («Край деревни»), В. Д. Поленова («Берег Оки») и молодых художников, определяющих уже новый этап в развитии русского пейзажа — С. Ю. Жуковского («Зимняя дорога»), А. П. Левченко («Наводнение»), В. К. Бялыницкого-Бируля («Весна», «Зима», «Мокрый луч»), Я. Д. Минченкова («Элегия»). Сравнивая их, нетрудно почувствовать стремительное движение времени, изменение отношения и требований как к пейзажу, так и к искусству в целом.

Произведения разных мастеров, разных творческих индивидуальностей собраны в коллекции Дубовского. И это говорит о многом. Дубовской жил передовыми идеями своего времени, старался не отстать в своем творчестве от запросов современности. Как руководитель Товарищества, ясно сознавая задачи и цели этого демократического объединения, он всеми силами пытался предотвратить его раскол и кризис.

Он понимал, что каждый искренний художник, независимо от величины дарования, вносит посильную лепту в искусство своей Родины. Поэтому в завершение хочется напомнить слова Н. Н. Дубовского, высказанные по этому поводу в беседе с Я. Д. Минченковым: «Они останутся вечно живыми для нас и наших потомков, а поэтому будем говорить о них лишь как об ушедших. И мы уйдем, но счастье наше в том, что каждый из нас оставит частицу своего «Я» другому поколению, и оно помянет нас, поверьте, добрым словом!..»

ЛИТЕРАТУРА

1. Личное дело Н. Н. Дубовского в правлении Императорской Академии художеств (1877—1919). — Центральный Гос. исторический архив (Санкт-Петербург), ф. 789, оп. 10, е. х. 162.
2. Протоколы общего собрания Товарищества передвижных художественных выставок: от 07.02.1890 г. — Гос. Третьяковская галерея, отдел рукописей, ф. 69/10, л.л. 41, 46; от 20.02.1902 г. з. Ф. 82/527.
3. Я. Д. Минченков. Воспоминания о передвижниках. Л., 1965, с. 47.

Е. Н. ЦЫГАНКОВА

КАРТИНА Н. Н. ДУБОВСКОГО «РАДУГА»

На фоне общих достижений русского пейзажа 1880 — 1900-х гг., рядом с картинами прославленных мастеров, произведения Николая Никаноровича Дубовского (1859—1918) занимают значительное место. Его творчество представляло собой сложно-разветвленную образную и живописную систему, пластически подвижную и стилистически видоизменяемую, включающую разные тенденции, характерные для развития русской живописи конца XIX — начала XX века.

Дубовской — пейзажист традиционно-реалистической ориентации¹, прошедший в своей художественной практике путь от светотеневой живописи к разработке цвета валерами и пленэру, от рационализированных композиционных построений и схем к оригинальным решениям, от ясно-определенных и потому однотипных состояний природы и внешней фиксации натуры к синтезированному и многоликому пейзажу настроения с его сложной структурой образного восприятия и постижения мира и человека. В «живописи поэта Дубовского, занятого постоянно широкими и чудесными задачами»² ощутимы романтические реминисценции, которые ус-

тойчиво проявлялись в течение многих лет, а также импрессионистические импровизации, занимавшие художника, в основном, в 1900-е годы.

Пейзажные работы мастера — во времени. Они полифонически эмоциональны, многообразны по колориту и композиционной логике построения, разнохарактерны по манере исполнения. Это и «Зима» (1884, ГТГ), которой он дебютировал на XII художественной выставке Товарищества передвижников и заслужил высокую оценку общественности, критики; картина захватывала зрителя «полнотой поэтического настроения и необычайной правдивостью изображения, гармоничностью красок»³; «Мишкина балка» (1885, Новочеркасский музей истории донского казачества) с ее тоновой оркестровкой монолитного изумрудно-синего цвета, «удивительная по совершенству»⁴ картина «На Волге» (1892, ГТГ), монументально-эпическое полотно «Родина» (1903—1904, Омский государственный музей изобразительных искусств).

Однако, произведения Н. Н. Дубовского, отмеченные многими регалиями, получившие высокую оценку в России и европейскую известность, не только не изучены в значительной своей части, но до сих пор еще мало известны, а существующая немногочисленная литература — книги В. Зименко, Т. Юровой, Н. Прохорова, изданные в 1940 — 1960-х гг., стали библиографической редкостью. В русских дореволюционных журналах и газетах о творчестве художника можно найти немного. Это, в основном, лишь реплики или краткие высказывания по поводу его работ.

В 1930-х и в 1948 г. по приказу Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР картины Н. Н. Дубовского, ранее находившиеся в семье художника и переданные в различные музейные собрания, были перераспределены по многочисленным картинным галереям и художественным музеям страны, что во многом затрудняет изучение его творчества⁵. Ряд пейзажей находится в зарубежных хранилищах. Никто не занимался собиранием воедино его художественного наследия, не составлен полный каталог его произведений. На основе стилистического анализа предстоит установить время не датированных им полотен.

Пейзаж «Притихло» (1889—1890, Государственный Русский музей, варианты-повторения в других музеях), экспонировавшийся на XVIII выставке передвижников, имевший громкий успех, прославив своего создателя, «заглушил» многие его работы, что даже сейчас, в наши дни, по прошествии

ста лет, ошибочно считают Дубовского художником одной картины. Такая точка зрения несправедлива по отношению к нему. В 1880—1900-х гг. живописец работал очень интенсивно и плодотворно. Такие произведения, как «Зима» (1884), «Ранняя весна» (1886), «На Волге» (1892), «Радуга» (1892), «Иматра» (1893), «Родина» (1903—1904) относятся к его бесспорным творческим достижениям.

Картину «Радуга»⁶, отличающуюся тонкой одухотворенностью образа, многие⁷ по праву считают одной из лучших в собрании музея истории донского казачества. Романтическое видение природы автором сосуществует в пейзаже с реалистической трактовкой действительности.

По беспредельному сине-сиреневому небу с величавыми клубящимися облаками льется золотой, мерцающий свет радуги. Ее таинственное и притягательное свечение завораживает все и вся: нет птиц на небе, едва слышится шепот волн, нет ни малейшего дуновения ветерка. Все застыло в немом восхищении перед бесплотной, прозрачной и призрачно-туманной легкокрылой богиней-радугой Иридой. Забыл про рыбную ловлю очарованный крестьянин, который поднялся в лодке во весь рост и словно хочет приблизиться к переливающемуся живому потоку. Эта разноцветная радуга — мостик, связывающий человека с мирозданием, лестница, движущаяся от земли к небу, повторенная множеством ритмически уходящих в картинное пространство облаков — «ступеней», по которым никогда и никому не подняться. «Радуга» Дубовского — не фридриховская⁸ мистическая отвлеченность, а ощущение человеком магии реального, земного мира.

Пейзаж «Радуга» по настроению мягче и лиричнее, чем «На Волге» (1892), прямой антипод «Притихло» (1890) с его гнетущим ожиданием гиперболизированно-бурной стихии.

В «Радуге» нет конкретного вида «узнаваемой» местности⁹. В основе романтически-умиротворенного образа, созданного мастером, лежит реальность «запоминания» и натурные наблюдения эффектных, редких природных явлений, а также «захватывающее чувство»¹⁰ восхищения перед ее многоликой красотой.

На первый взгляд, в картине нет никакого действия: статична и замкнута в себе, словно в молитвенном «предстоянии» фигура рыбака в лодке. Она сообщает пейзажу легкий оттенок жанровости. Именно мнимая бездеятельность крестьянина акцентирует его душевное состояние, а подвижное небо с калейдоскопичным и быстро меняющимся рисунком об-

лаков, изменчивость светотени создают настроение вечного движения в круговороте быстротекущей жизни, где и земля, и человек, живущий под этим бездонным небом, — единое и нерасторжимое целое.

Композиция предельно лаконична, образуется из двух разновеликих масс — реки, исчезающей у горизонта, и высокого неба, зрительно и масштабно доминирующего. Эти световоздушные плоскости мягко списываются кистью, переходят друг в друга и образуют единое цветотоновое пятно. Лишь узкая, частично выделенная светом полоска земли указывает на водораздел. «Радуга» строится на том же панорамном принципе, как и «Пустынный берег» (1890), «При тихло» (1890), «На Волге» (1892). Последний пейзаж, светлый и радостный по мироощущению, живописно-музыкальный, наиболее стилистически и сюжетно близок картине «Радуга» и развивает ту же тему широких водных просторов, которую в 90-е гг. разрабатывал художник. В «Радуге» же пространство увеличивается не только вширь, по горизонтали, но и ввёрх.

Смысловой и композиционный узел картины отмечен фигурой мужика в грязно-белой рубаше и темной, умбристо-коричневой лодкой, покачивающейся на волнах и относимой течением. Это едва заметное движение намечает диагональ, идущая от нижней левой стороны холста, розоватых рефлексов на воде к освещенному вдалеке берегу с трудно различимыми постройками и далее, от этой полосы земли, продолжается световым потоком радуги. Затем, это целенаправленное и последовательно развиваемое движение усиливается перспективно, от «обратного» — меньше на первом плане, больше — на втором, разрастающимися массами облаков. Художник затемнил правый верхний угол картины, что усилило освещенность радуги, особенно ее короткого, самого насыщенного цветом, «ударного» участка, а также позволило показать движение струящегося воздуха, окрашенного прозрачными красками радуги, сквозь которую преломляются тончайшие цветовые градации облаков. Отношения освещенных и затененных частей переданы Дубовским в высшей степени виртуозно и очень технично, при помощи многочисленных лессировок. Только угловое рыбацкое суденышко и фигура «очарованного странника» по водам написаны более корпусно, широко и эскизно. Светится особым, отраженным сиянием солнца полоска земли, мерцает фосфорическим светом радуга. Поэтическое восприятие действительности здесь, в

Этом пейзаже, достигается гармонией и тончайшей нюансировкой теплых и холодных красок, богатством цветовой палитры, в которой преобладают серебристо-серые, голубые, сиреневые оттенки, словно тающие в легкой дымке облаков, а также зеленовато-розовые, в соседстве с желтовато-зеленоватым цветом радуги. Вся эта светоцветовая маэстрия в картине нужна художнику для передачи возвышенного эмоционального состояния. Природа в изображении Н. Н. Дубовского вызывает чувство восхищения, полна гармонии, чистоты и покоя.

В различные промежутки времени им было создано несколько интересных произведений, в их числе «Ущелье» (1894), «Альпы» (1895), «Дюны. Бретань» (1898), «Туман в горах. Ай-Петри» (1898), «Прошел ураган» (1898).

Основываясь в своем творчестве на развитии традиционной линии «пейзажа-настроения», берущей начало от А. К. Саврасова, Ф. А. Васильева и продолженной А. И. Куинджи, синтезируя и своеобразно претворяя традиционные в своей похожей непохожести пейзажи художника-«продолжателя» Н. Н. Дубовского, идущего по проторенной, но своей дороге, заключали в себе зерно оригинального мышления, художественной интерпретации природы, форму, «служашую средством для выражения идеи»¹¹. Поэтому картины художника на выставках встречают восторженный прием и пользуются успехом у зрителей и критики. В 1898 г. Академия художеств «за известность на художественном поприще, признает и почитает»¹² Николая Никаноровича Дубовского и присваивает ему звание академика пейзажной живописи.

Однако, соизмеряя масштаб своего творчества, он признавал, что «не всем быть Репиным, Суриковым и другими великанами»¹³, нельзя одной мерой оценивать произведения искусства. В этом пейзажист, безусловно, прав, как и в том, что он оставил «частицу своего «я» другому поколению»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Традиционный» в том смысле, как понимается значение слова, — наследование, переосмысленная и претворенная живучесть в творчестве Н. Н. Дубовского тех образных средств, технических приемов, которые были столь блестящим образом выработаны и освоены, в первую очередь, А. К. Саврасовым и А. И. Куинджи, а также И. И. Шишкиным и Ф. А. Васильевым.
2. Бенуа А. Н. История живописи в XIX веке. Русская живопись. — СПб.: Издание Товарищества «Знание», 1901, стр. 211.

3. «Нива». 1911, № 10, стр. 192.
 4. Цит. по: Зименко В. М. Н. Н. Дубовской. —М. —Л.: Искусство, 1949, стр. 19.
 5. Так, Государственная Третьяковская галерея передала «Раннюю весну» (1886) в Государственный музей изобразительных искусств г. Ашхабада, а «Тихий вечер» (1893), — в Дальневосточный художественный музей г. Хабаровска. Картина «Родина» (1903—1904) поступила в Омский государственный музей изобразительных искусств из Большого музея Академии художеств. Пейзаж «Штиль», ранее находившийся в Государственном Русском музее, оказался в областной картинной галерее г. Твери. Автором статьи выявлено более 40 музеев, галерей России, ближнего зарубежья, где экспонируются произведения Н. Н. Дубовского или хранятся в запасниках.
 6. Н. Н. Дубовской. Радуга. 1892. х., м. 132x102. На оборотной стороне: Н. Дубовской. Музей истории донского казачества, Новочеркасск.
 7. См.: А. А. Прохоров, Н. Н. Дубовской. —Л. 1967, стр. 28; М. С. Трубина. Н. Н. Дубовской. Каталог постоянной выставки. Музей истории донского казачества. —Л. 1961, стр. 7; Л. И. Соловьева; Н. Дубовской. —В сб.: Певцы донского края: очерки о художниках. —Ростов, 1979, стр. 21.
 8. Немецкий художник-романтик К.-Д. Фридрих (1774—1840).
 9. Л. И. Соловьева, напротив, утверждает, что картина написана на Дону. См.: Л. И. Соловьева. Указ. соч., стр. 21.
 10. Цит. по: Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках. —Л. 1980, стр. 53.
 11. Минченков Я. Д. Указ. соч., стр. 48.
 12. Постановление Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств от 25 марта 1898 года. Архив Новочеркасского музея истории донского казачества.
 13. Минченков Я. Д. Указ. соч., стр. 67.
 14. Там же, стр. 30.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Парусимов И. Н. Модель лука из Житковского кургана	3
Рязанов С. В. Неполивная керамика Славянского (Куричанского) поселения близ Таганрога	5
Крайсветный М. И. Происхождение донских формировок виноградного куста	18
Ребров А. В. Знамена донского казачьего войска 1-й четверти XVIII в.	25
Шолохов Л. Г. Оборона Азовского побережья донскими казаками в 1855 г.	30
Потапов И. П. М. И. Платов и Новочеркасск	35
Бойко А. Л. Православные древности Азова в храмах столицы Войска Донского	42
Тарасова М. Н. «Донские областные ведомости» во второй половине XIX столетия и ее корреспонденты	59
Довгалева Г. А. Материалы к биографии Н. К. Бурькина	66
Григоренко Е. А. Неопубликованные страницы из жизни И. И. Крылова	70
Кулишов В. И. Дубовской и передвижки в коллекции музея истории донского казачества	74
Цыганкова Е. Н. Картина Н. Н. Дубовского «Радуга»	81

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Вып. 1.

Отв. редактор **Раев Б. А.**
Техн. редактор **Вострикова С. П.**
Корректор **Баршадская Л. В.**

Сдано в набор 18.07.94 г. Подписано к печати 28.09.94 г.
Формат 60×84 1/16. Бум. газетная. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Объем 5,5 п. л. Заказ 734. Тираж 200.

Типография НГТУ
г. Новочеркасск, Ростовской обл. ул. Просвещения, 132

